

«...А ДРУЗЕЙ ИСКАТЬ НА ВОСТОКЕ»

Православие и Ислам: противостояние или содружество?

Глава I.

Существует ли «исламская угроза»?

Как православный архиерей, я не имею права и не собираюсь рассуждать о внутриисламских проблемах. Но мне выпало служение в странах, где большинство исповедует Ислам. Я живу рядом с мусульманами, почти ежедневно общаюсь с ними, и потому - почел своим долгом постараться понять их веру. Смею полагать, что разбираюсь в Исламе лучше, чем те, кто дерзает судить об этой мировой религии издалека, зачастую распространяя заблуждения и предубеждения. Данная работа адресована отнюдь не мусульманам, которые разбираются в своем вероучении несравненно лучше меня, но – христианам и людям доброй воли, чей взгляд на Ислам искажен ложной информацией.

У нас с мусульманами – разная вера: однако любая клевета, в том числе и на Ислам, является смертоносным грехом, могущим привести к тяжким и даже кровавым последствиям.

Время от времени то в одном, то в другом источнике проходит как бы предупреждающая информация, что мондиалистские круги планируют глобальное взаимоистребительное столкновение православного и мусульманского миров. Еще десять лет назад к подобным утверждениям можно было относиться, как к беспочвенным слухам. Теперь же этот смертоносный сценарий начинает проявляться в своей ужасающей полноте. Даже Президент РФ В. В. Путин однажды заметил: «Судьба России обсуждалась на совещании в Пакистане». (От себя добавлю: там же «решалась» и судьба Центральной Азии.)

Со страниц западных изданий в российские средства массовой информации уже давно перекочевал тезис об «исламской угрозе». Между тем необходимо отличать вероучения от его извращений, от каких-то не застрахована никакая религия. И угроза, о которой пойдет речь, не менее опасна для Ислама и мусульманских народов, чем для Православия и народов славянских.

В общественное сознание Запада, а теперь уже и России, внедряется представление о мусульманском мире как о рассаднике терроризма, фанатизма, национального экстремизма, наркобизнеса. На самом же деле все эти явления чужды и враждебны основам мусульманского вероучения (тому самому чистому Исламу, о «возвращении» к которому кричат его извратители).

ТЕРРОРИЗМ совершенно абсурдно считать специфически мусульманским явлением. Это преступный метод политической борьбы известен с древнейших времен: убийство императора Юлия Цезаря древнеримскими республиканцами - античный пример теракта.

В новой и новейшей истории террор приобрел особо злодейский характер – ведь появились и взрывчатые вещества, при применении которых неминуемы «побочные» жертвы: невинные люди, не имевшие к политике никакого отношения.

Хуже того: террористы начали сознательно убивать невинных, с целью запугать общество. Во второй половине XIX века революционеры-«бомбисты» повергали в ужас Россию – минируя здания, взрывая бомбы на улицах и площадях.

Столетие спустя тот же кошмар повторился в Западной Европе, где свирепствовали и «красные бригады» и многие им подобные. Террор страха взяли на вооружение и некоторые национальные движения: «ирландская республиканская армия», баскские сепаратисты, например. Однако ни российские «чернопередельцы», «народовольцы» и эсеры, ни «краснобригадники», ни национал-боевики мусульманами не были.

Позволю себе напомнить факт, который на Западе очень не любят вспоминать. Именно террором – похищением и убийством английских солдат – боевики «Иргун цвей леуми» понудили британские войска покинуть Палестину: так было положено начало созданию государства Израиль. И шло оно под лозунгами религии иудаизма. Впрочем, от такого довода вряд ли стало бы легче палестинским арабам, вытесняемым с земли, которую они на протяжении полутора тысячелетий считали своей Родиной, и арабским странам, у которых израильтяне принялись отвоёвывать территории.

Израиль опирался на финансовое и военное могущество Запада: для сопротивления такой мощи у арабов не было сил. И тогда они тоже переняли методику вражеского «Иргуна»: террор. Это был акт отчаяния – обреченный на крах. Акт преступный, явно противоречащий мусульманской вере. Что, впрочем, не помешало его инициаторам усугубить преступление организацией в исламских странах террористов-профессионалов, «солдат удачи» или «диких гусей».

Причины появления греха и преступления можно понять. Но оправдать зло нельзя ничем.

Из Ветхого Завета перешла в христианство строжайшая заповедь: «Не убий». Еще более грозно звучат в Коране слова: «Кто убьет человека без вины, тот как будто бы убил людей всех». (Этот аят цитировал недавно муфтий мусульман России Равиль Гайнутдин, разоблачая антиисламскую сущность бандитизма в Чечне). В этом изречении Ислам демонстрирует полное понимание того, что - в очах Всевышнего каждая человеческая душа дороже всей материальной вселенной, и потому - нет преступления страшнее, чем убийство невинного.

Террорист – убийца невинных – мусульманином быть не может. И когда он действует под исламскими лозунгами, он клеветает на мусульманство. Видный арабский лидер аль-Газали клеймил подобных деятелей, как «разбойников с большой дороги, нападающих на людей во имя религии».

Ту неприязнь, которую мусульманский мир питал к Западу в связи с ближневосточным конфликтом, Запад в последнее время усиленно пытается «канализировать» в сторону православных народов. Те же их СМИ, которые недавно кричали об «исламской угрозе», - сейчас вовсю поддерживают сепаратизм чеченцев и албанцев – косоваров, направленный против России и Сербии. Вчерашние враги мусульман лицемерно представляются их «защитниками и покровителями». Вдобавок: именно на западных дрожжах в Афганистане возшло людоедское движение Талибан. А нашествие талибов на Россию может обернуться тем самым «глобальным взаимоистреблением» Православия и Ислама, которое планирует «мировая закулиса».

Наша надежда – на то, что и православный, и мусульманский миры сумеют вовремя понять, в какую бездну их толкают.

ФАНАТИЗМ – есть искажение сознания верующих, порожденное религиозным невежеством. Сегодня не только в мусульманстве, но практически в каждой религии появились фанатики, следующие не вероучению, а измышлениям самозванных «вождей». Ведь только невежда, не понимающий сути Ислама, может служить организациям, занимающимся такими гнуснейшими с точки зрения мусульманства делами, как терроризм или наркобизнес; служить, и при этом еще думать, что этим совершает некий мусульманский подвиг.

Разжиганием же фанатизма занимается тот, кто рвется к власти, кто ради корысти легко способен использовать в своих темных целях слепую ярость обманутых невежд, не

ведающих, что политические или своекорыстные спекуляции на религии – это страшное оскорбления Божества.

НАЦИОНАЛИЗМ был изжит Исламом еще на ранней заре его собственного существования. Движение мурджиитов преодолело претензии арабов, в среде которых возник Ислам, на особую роль в мусульманском мире. Как в христианстве, «нет ни эллина, ни иудея, ни варвара», - так и в мусульманстве - равноправны араб и тюрк, хазарец и пуштун.

С точки зрения вероучения недопустимо смешение религиозных и национальных понятий, ибо религия – дело Небесное, а нация и политика – дело земное.

Националисты не имеют никакого религиозного права на объявление джихада, мусульманской «священной войны». Тем более, что в Коране совершенно точно указано, когда и по отношению к кому это должно происходить: джихад мусульмане могут объявлять лишь тем, кто «сражается с ними из-за религии и изгоняет их из их жилищ».

И несомненно политической такой спекуляцией было объявление джихада чеченскими сепаратистами: ни на мусульманство, ни на их жилища в Чечне никто не покушался. И солдаты албанской ОАК, виновные в геноциде сербов в Косово, - никакие не «воины Аллаха», а гонители и убийцы невинных. И пуштунские расисты из Талибана, проводящие «этнические чистки» мусульман других наций, - тем самым свидетельствуют свою чуждость и враждебность истинному Исламу.

Так же и в Православии (отнюдь не являющимся «толстовством-непротивленчеством») почитается святым делом защита веры, ближних, Родины. Использовать же лозунг «священной войны» в национальных целях – есть спекуляция на религии, противная Богу.

Теперь – НАРКОТИКИ. К этому злу Ислам, воспрещающий своим последователям даже алкоголь, относится совершенно непримиримо. Согласно очевидной трактовке целого ряда сур Корана и хадисов, говорящих о «веществах, помрачающих разум», наркоделец приравнивается к отравителю, а наркоман – к самоубийце. Первый, по действовавшим во времена «четырёх праведных халифов» нормам шариата, должен был быть зашит в мешок с ядовитыми змеями и утоплен в стоячей воде. О втором сказано в хадисе: «тот, кто убил себя какой-либо вещью, на Страшном Суде будет казним этой вещью», то есть, - наркоман обрекается на вечную «ломку» в адской бездне. Ни наркоман, ни, тем более, наркоделец правоверными мусульманами быть не могут.

Просвещенным, знающим свою религию мусульманам (а таких в исламском мире – большинство) совсем не хочется, чтобы их представляли некими чудовищами с гранатометами в руках, взрывчаткой за пазухой и героиновым шприцем в зубах. Настоящие мусульмане сами борются с экстремистскими и преступными извращениями своей религии: этой борьбе надо помогать, а не подливать (бездумно или злонамеренно) масло в огонь межрелигиозной напряженности.

Понимание Ислама необходимо всем, кто пишет и говорит о проблемах мусульманских народов, имеющих важнейшее значение для многих регионов и стран, в том числе и для России. Вот почему всем нам желательно вспомнить первые века истории мусульманства. Нынешние экстремисты выступающие под лозунгами «чистого Ислама» и «Халифата», - используют ворованные лозунги. И чистый Ислам времен арабских Халифатов, исследуемый документально, - ярчайшее обличение всех нынешних экстремистских спекуляций.

Глава II.

Халифат – «золотой век» Ислама.

«Не представляю, как можно бороться с исламским экстремизмом, не заботясь прежде этого о развитии мусульманской культуры, образовании, не заботясь о признании важной позитивной роли уникальной и самобытной исламской цивилизации. Самая эффективная борьба с экстремизмом – это внедрение иных, традиционных исламских ценностей», - утверждает видный правовед Л. Р. Сюкияйнен. С этим утверждением невозможно не согласиться.

Ключевым периодом в становлении мусульманской цивилизации являлась эпоха Арабских Халифатов, которую именуют «золотым веком» Ислама. Какова же была мусульманская империя, подарившая миру гениев науки и искусства, дивные творения зодчества, поэзии, философской мысли?

Арабские завоевания, приведшие к созданию империи халифов, имели характер миссионерских военных походов. Как известно, Коран непримиримо относится ко всем видам язычества. И мусульмане применяли к язычникам жесткую миссионерскую практику: в жилище огнепоклонника или митраиста поселялся воин-араб и следил за тем, чтобы все обитатели дома исполняли обряды Ислама. Манихеев (зиндиков), которых мусульмане не без оснований считали сатанистами, просто убивали. Но совершенно иным было отношение мусульман к приверженцам единобожия – христианам и иудеям – которых Коран именует «людьми Книги» («ахл-аль-Китаб») и признает их право на свой путь к Всевышнему. Коран даже предписывает особое расположение к христианам (насора): «Ты, несомненно, найдешь что самые близкие по любви к мусульманам те, которые говорят: "Мы – христиане!". Это – потому, что среди них есть священники и монахи, и что они не превозносятся» (Сура 5 «Трапеза», аят 85/82/).

Арабские воины Ислама действовали в полном соответствии с требованиями своей религии. Свидетель создания Халифата, сирийский Патриарх Тимофей I писал восторженно: «Арабы, которым Бог дал власть над миром в эти дни, как вы знаете, не только не противодействуют христианству, но хвалят священников и святых Господа нашего, помогают церквям и монастырям».

В окружении основателя Ислама Мухаммеда христиан было немало. Христианином был Варака ибн Науфал, его близкий друг и брат его первой жены Хадиджи. Мусульмане очень почитают Хадиджу, называя ее «матерью верующих». Варака занимался переводом Библии на арабский язык (начал он с Ветхого Завета и, к сожалению, успел перевести только Пятикнижие Моисеево). О нем сам Мухаммед заявлял, что Варака «не нуждается в обращении в Ислам, поскольку стоит на правильном пути». Когда на Мухаммеда ополчились язычники, его укрыл от гонений христианин – император Эфиопии. Впоследствии Мухаммед держал при себе врачей-христиан. (В арабском Халифате медицина сделалась одним из основных занятий христианских ученых, принося им почет и известность). Личным секретарем Мухаммеда и первым переписчиком Корана был монах – несторианин Сергей. Христианских правителей основатель Ислама заверял в близости их убеждений: «Свидетельствую, что Иса (Иисус), Сын Марйам (Девы Марии) есть Дух Бога и Его Слово».

Всё это хорошо знали и помнили арабские мусульмане и не видели оснований для того, чтобы относиться к христианам хуже, чем основоположник их религии.

В Халифате христианство заняло положение хотя и не государственной, но – признанной и уважаемой религии. При дворе халифов были представлены православные, несторианские, яковитские священнослужители, в обязанность которым вменялось молиться о здравии повелителя империи и благословлять его трапезу. В особенно выгодном положении оказалось несторианство: мусульманам казалось, что эта конфессия ближе других стоит к Исламу. Несторианский каталикос-патриарх утвердил свою

резиденцию в Багдаде. Приветствовался успех христианских миссий среди язычников. По поводу обращения в христианство крупного монгольского народа кераитов – мусульманский летописец восклицал: «Религия Иисуса (мир Ему!) просветила кераитов, и они приняли ее!». При дворе халифа часто проводились диспуты с участием исламских и христианских богословов – каждая из сторон неизменно оставалась при своем мнении, но такие встречи имели смысл как для взаимопонимания религий, так и в качестве демонстрации веротерпимости.

Зрелый Халифат пришел к «толерантности» даже в отношении к язычеству. В 738 году наместник халифа Наср ибн-Сейяр провозгласил полную амнистию отступникам от мусульманства (речь шла об идолопоклонниках, приведенных в Ислам силой). Теперь они могли вернуться к прежним верованиям, не опасаясь смертной казни, которая грозила им по исламским законам прежде. Однако большинство новообращенных мусульман возвращаться к былым культам не пожелало, - и не только из-за налоговых льгот и карьерных возможностей, которые давались принадлежностью к государственной религии. Ислам есть единобожие, неизмеримо превосходящее язычество в духовном плане, украшавшееся к тому же обаянием великолепной арабской культуры.

Что же касается христиан – в правительственных структурах Халифата они могли занимать сколь угодно высокое положение. Христианство исповедовали один из визирей левой руки (госсекретарь) и несколько казначеев (министров финансов) мусульманской империи. Особенно же славились христианские ученые. Когда халиф аль-Мамун основал «Дом мудрости» (Академию наук), то поставил во главе его христианина Абу Закария Юханна. В Гундигапуре (Хузистан) христианами была создана лучшая медицинская школа своего времени. Личными врачами самого халифа и видных вельмож обычно были христиане. Низибийская богословская (несторианская) школа преобразовалась в подобие университета, где изучалась не только религия, но и философия, история, география, естественные науки, - так что и мусульманская знать посылала туда своих детей на обучение. Знамениты были ученые-христиане Мерва. Среди них – человек разносторонних дарований, знаток философии, медицины, математики, филологии Сахл Раббаи, прозванный «учителем мудрецов»; его сын Али ибн Сахл, философ и медик; ботаник и врач Ибн-Маса, трудами которого пользовался аль-Беруни. Христиане трудились над переводами с греческого и латыни, делая сокровища античных знаний доступными Востоку. Так, труды Аристотеля переводил на арабский язык православный хорезмиец Абулхаир ибн Хуммар, а на сирийский - несторианский епископ Павел Дершехерский. Современный востоковед Айдер Куркчи даже заявляет: «В VII-VIII веках процветание Месопотамии, Ближнего Востока, Персии, Центральной Азии было в значительной мере основано на деятельности крайне многочисленных христианских общин».

Разумеется, не следует слишком уж переоценивать заслуги христиан во времена «золотого века» Ислама. В возведении великолепия Халифата главенствовали, безусловно, мусульманские гении. Однако и роль христиан действительно была значительна: не только благодаря их вкладу в науку и культуру, но и как стимул для развития мусульманской цивилизации.

Великий русский философ Константин Леонтьев утверждает и на убедительнейших исторических примерах доказывает: только там, где взаимодействуют различные типы мировоззрений, национальных и религиозных традиций – возникает «цветение культур»; однообразные же социумы обречены на увядание. Именно «цветение культур» явил миру мусульманский Халифат, просвещенный и веротерпимый, сплотивший представителей многих народов и разных религий в державном созидании.

Клин настроенности между исламским и христианским мирами был вбит отнюдь не мусульманами, а средневековыми авантюрами Римских пап, - так называемыми «крестовыми» походами. Под спекулятивным лозунгом «освобождения Гроба Господня» (подобно псевдоисламским лозунгам современных экстремистов) папские «крестоносцы»

явились на Восток, как грабители, насильники и убийцы. В этих западных пришельцах, называвших себя христианами, мусульмане впервые увидели своих врагов. Важно отметить, что не только мусульманские страны делались жертвой папских нашествий: во времена одного из своих походов «крестоносцы» разгромили Константинополь и надломил силы православной Византии.

Вторым ударом по мусульманско-христианскому содружеству был «желтый крестовый поход» монгольских несториан.

Л. Н. Гумилев утверждает, что несториане стояли на пороге создания охватывающей всю Азию «империи третьего типа», где главенствовала бы их религия.

И действительно: во времена первых Чингизидов несториане были очень близки к тому, чтобы захватить власть в Великой Орде. Монгольские армии, которые возглавлял несторианский фанатик Кит-Бука, завоевали почти все мусульманские страны, повсюду сжигая мечети, истребляя мусульманское духовенство, «огнем и мечом» сляясь насадить несторианство. Монголы дошли до Египта, остававшегося последней опорой Ислама. В решающей битве египтяне одержали победу над армией Кит-Буки. И опять-таки можно отметить: в этой «битве за спасение Ислама» на стороне мусульман в составе союзных Египту войск Золотой Орды сражалась и дружина православных русичей.

На протяжении веков многократно возникали тяжелейшие конфликты между мусульманами и римо-католиками, несторианами, а затем и протестантами. Однако исследователи, умеющие отделять религию от политики, могут засвидетельствовать: на всем протяжении истории между Исламом и Православием конфликтов не возникало никогда. Ярчайший пример тому: действия мусульманских правителей Золотой Орды. Хан Берке пошел карательным походом на несториан Самарканда, грубо оскорбивших знаменитого шейха, и расправился с их общиной. Но по велению того же Берке в его собственной столице Сарае была открыта православная епархия. По ярлыку (указу) Берке, повторявшемуся затем всеми золотоордынскими ханами-мусульманами, за оскорбление православной веры и духовенства любому ордынцу грозила смертная казнь. (Очевидно, мусульмане того времени разбирались не только в своей религии, но и в различиях между христианскими конфессиями). Православные Патриархаты сохранялись на территории Египетского и Турецкого Султанатов и ныне свободно действуют в мусульманских странах. А в Центральной Азии мусульмане увидели в Православии дружественную религию даже несмотря на то, что его появление в этом краю последовало за российским завоеванием.

Православие считает и протестантов, и несториан, и римо-католиков искажителями христианства. В отличие от этих конфессий, Православие чужда миссионерская агрессивность. Православие смиренно: оно призывает своих верующих прежде всего не к активности внешней, а к очищению и украшению добродетелями собственной души, - «ибо нет никакой пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит». Такое учение не может не вызвать уважения мусульман. Здесь уместно еще раз вспомнить призыв Корана: любить христиан, которые «не превозносятся».

Лишь в недавнее время, под влиянием экстремистских и изощренных западных провокаций, в мусульманском мире кое-где начала прививаться недоброжелательность в отношении к православным народам. Для ядовитого посева вражды используется память о грехах коммунистических безбожных режимов, первыми жертвами которых стали славяне и от которых Православие пострадало больше любой другой религии. Экстремисты спекулируют на чувстве религиозной солидарности, - и мусульмане, обманутые ими, не понимают, что солидаризуются не со своими единоверцами, а с извратителями Ислама.

Какое отношение к чистому классическому Исламу, к памяти о мудром и веротерпимом Халифате – имеет нынешняя террористическая, фанатическая, наркотическая дикость, представляющая собой поистине язву мусульманского мира, на самом деле враждебная Исламу даже более чем Православие?

Христианству до боли знакомо зрелище «волков в овечьих шкурах»: всевозможных изуверов-сектантов, с криками о «чистоте» Евангелия» попирающих веру Христову.

В наши дни и мусульманам приходится распознавать подобное же извращение их религии - ваххабизм.

Глава III.

Ваххабизм: ересь «Мухаммеда-второго».

Здание начинается с фундамента. Затем возводятся стены, создаются архитектурные украшения.

Но и мировые религии, обретая основы вероучения, в ходе истории обогащаются их осмыслением, из поколения в поколение укрепляются, украшаются трудами самых разумных и самых преданных своей религии людей. Это - прямое естественное развитие, непрерывное строительство, целью которого провозглашается вечность. Пренебрежение историческим опытом религии, самовольные радикальные «реформы» и «новшества» – как разрушение стен этого здания, неминуемо приводящее и к искажению всего строения: вероучительных основ (хотя под лозунгом «возвращения к основам» такие разрушительные новшества зачастую и проводятся). То есть - на месте грандиозного здания мировой религии еретик-реформатор возводит домик собственного изобретения – секту.

Искажение же религиозных основ называется ересью.

Протестантизм, пытавшийся «начать историю христианства с XVI века», породил бесчисленное множество сект, стремительно размножающихся в наши дни и все дальше уходящих от Учения Христова. Явления сектантства, - хотя в значительно меньшей степени, - знакомы и мусульманскому миру.

При формировании мусульманской религии в ней выкристаллизовалось два основных направления: суннизм и шиизм. Непреодолимые различия между ними вызваны расхождением во взглядах на первоначальную историю Ислама: но обе эти формы мусульманства – традиционны, опираются на более чем тысячелетний опыт, и их различие – внутреннее дело мусульманского мира.

Суннизм более склонен к законотворчеству: в нем разработаны четыре школы (махзаба) шариата (мусульманского права), - ханбалитский, маликитский, шафиитский и ханафитский махзабы. В ходе полемики между их представителями все махзабы были признаны равноправными, каноническими школами шариата: какого именно махзаба придерживаться – это дело выбора (народа, группы духовенства и даже отдельных мусульман), не мешающее взаимному признанию. На основе суннизма возникла поэтическая форма Ислама – суфизм, отдаленно напоминающая христианское монашество. Суфизм призывает к достижению внутреннего совершенства: но первоосновой для любого суфийского «тариката» (пути) является выполнение требований одного из канонических махзабов. Кроме норм шариата, для исламских верующих имеют большое значение также адаты – благочестивые обычаи. В частности, паломничества прежде всего в Мекку и Медину, - города, где протекала деятельность основоположника Ислама Мухаммеда, к памятникам, почитаемым, как святыни.

Все эти течения и направления, связанные с ними обряды и обычаи находятся в рамках исламской традиции. Мусульмане остро реагируют на попытки исказить основы их учения: поэтому ереси в Исламе – явление редкое. Пример такой ереси – секта Ахмадийя, последователей некоего Мирзы Гуляма Ахмада, объявившего себя «мессией» («махди») и на свой лад «исправлявшего» Коран. Приверженцами классического Ислама сектанты Ахмадийя были объявлены не только «хуже неверных», но даже «хуже собак».

Ваххабизм, сделавшийся столь активным в наши дни, - это тоже просто-напросто мусульманская ересь. Возникла она в XIX веке на Аравийском полуострове под лозунгом: «очистить Ислам от суеверий». Его основоположник - Мухаммед Абд аль-Ваххаб.

«Суеверием» же, по мнению этого «Мухаммеда-второго», были все труды мусульманских ученых и вообще - всё, что происходило в мусульманском мире после царствования «четырех праведных халифов». Абд аль-Ваххаб заявил, что все это время (то есть на протяжении тысячелетия) мусульмане «находились в заблуждении» (то есть Ислама попросту не существовало). Но вот - пришел он, «Мухаммед-второй», изобрел собственный шариат и этим «очистил» мусульманскую веру.

Ваххабизм стал государственной религией Саудовской Аравии. Шииты были подвергнуты религиозной дискриминации: перестали получать защиту в шариатских судах (а иных органов юриспруденции на полуострове просто нет), лишились права занимать административные посты и возможности получать высокооплачиваемую работу. Классический суннизм упразднен «втихую»: из учебных заведений изъяты и уничтожены пособия по изучению всех канонических суннитских махзабов, духовенство полностью переориентировано на ваххабитский шариат.

По новому, «облегченному варианту Ислама» не нужно изучать тонкости мусульманского права, труды мусульманских мыслителей былых времен. Зато, в качестве дополнения к образованию, при мечетях открыты школы рукопашного боя (а в некоторых странах – ваххабитские наставники обучают и владению оружием, и методике совершения террористических актов, и применению пыток). Все адаты, в их числе и паломничество в Мекку, объявлены суеверием. В самой Мекке доходило до кровопролитных столкновений между ваххабитами и шиитами. (После чего на Тегеранском конгрессе 1987 года шиитское духовенство объявило династию Саудитов – вероотступниками и предало ваххабизм проклятию). С особой же ненавистью ваххабиты относятся к суфизму, что, кстати, ярко проявилось в их деятельности на Северном Кавказе. По сути, ваххабитский шариат представляет собою реанимацию жестокостей древнеисламского уголовного кодекса, с более чем терпимым отношением к таким злодеяниям как терроризм, наркобизнес, торговля женщинами и похищение детей...

Можно бы сказать, что аравийские магнаты вправе насаждать в своем государстве новоизобретенный вид мусульманства: однако при экспорте ваххабизма в другие страны это движение обнаруживает все признаки преступной тоталитарной секты.

При выходе ваххабитов за пределы Аравии выяснилась их «тайна»: они считают «истинными мусульманами» – только себя, а все остальные, в том числе приверженцы любых форм классического Ислама, для них – «неверные». И к лозунгу «убей неверного» (которого нет и не может быть ни в Коране, ни в других классических мусульманских источниках) сводятся все «религиозные убеждения» ваххабитских фанатиков-боевиков.

Если для арабов Палестины и других стран, теснимых Израилем, террор являлся актом отчаяния, - то для аравийских ваххабитов терроризм представляет собой некий садистский «спорт». Саудовский миллиардер Усама Бен Ладен с экранов пакистанского телевидения хвастливо заявил: «Мне доставляет удовольствие тратить деньги на то, чтобы неверных сдохло как можно больше... Взрывы и смерть продолжатся. И они будут такими, что весь мир содрогнется, - я человек не бедный».

Боевик из банды Джумы Намангани, захваченный в плен во время вторжения в Кыргызстан, рассказывал о характере подготовки ваххабитских «воинов Аллаха»: «В Афганской провинции Файзабау нам преподавали основы партизанской войны – как организовывать рейды в тыл противника, устраивать взрывы объектов коммуникаций, связи и жизнеобеспечения, планировать и проводить физическое устранение государственных лиц. При каждом боевом центре есть мулла, проповедующий "чистый Ислам" (т.е. ваххабизм). Мулла говорил нам, что террор необходим для "победы Ислама" и что любой муфтий, или имам, не принимающие "чистый Ислам", должны быть физически устранены».

Для верующих мусульман ужасна сама мысль о покушениях на духовенство своей религии; они к нему относятся с глубочайшим почтением. Для ваххабитов же наставники классического Ислама становятся первыми в ряду объектов террористической «охоты». Совершенно очевидно, чьих рук дело – убийства муфтиев Дагестана и Таджикистана, ряд покушений на жизнь муфтия Чечни Ахмада-Ходжи Кадырова, ныне Главы временной администрации Республики. Недавно ставший игрушкой в руках ваххабитов чеченский лидер Аслан Масхадов открыто призвал к уничтожению духовного главы своего народа А.-Х. Кадырова: откровеннее уже некуда.

Мусульмане Северного Кавказа первыми - на горьком опыте - поняли, какую опасность для исламской религии несет с собой ваххабизм. Когда ваххабиты пытались уничтожить одно из главных мест суфийских паломничеств в Чечне, зиярат Хеди, - мусульмане вынуждены были противостоять им с оружием в руках.

Также выяснилось, что преступный «бизнес» с похищением людей и работоторговлей был санкционирован опять же – ваххабитами; «фетву» (так сказать, «благословение») на преступления этого рода выдал эмир ваххабитов в Чечне Абдурахман, саудовский араб по происхождению.

В 1996 году по инициативе муфтия Чечни А.-Х. Кадырова в Грозном был созван Конгресс мусульман Северного Кавказа, призвавший «объявить ваххабизм вне закона и немедленно расформировать вооруженные группировки проваххабитского характера». Однако за «братьев-ваххабитов» вступились не только их местные ставленники типа Ш. Басаева, М. Удугова, С. Радуева и др., но и юристы из «федерального центра», заявившие, что запретом тоталитарной секты ваххабитов якобы нарушается принцип «свободы совести». Московские «законники» самоуверенно решили, что разбираются в мусульманских делах лучше, чем сами мусульмане. Результат этой «федеральной толерантности» известен: ваххабиты сумели создать плацдармы на дагестанской земле, печально известные укрепрайоны Чабанмахи и Карамахи, - и мирный Дагестан, братский России, подвергся агрессии ваххабитских банд. Так «терпимость» к религиозному экстремизму, вызванная самодовольным религиозным невежеством, - привела к разгулу бандитизма, войне, пролитию крови и мирных граждан и русских солдат, превращению чеченского народа в заложника преступного режима. К страданиям сотен тысяч людей.

Проникновение ваххабизма на «постсоветское пространство» – это одно из множества плачевных следствий засилья тотально-атеистической идеологии в СССР. Наибольшие разрушения ига безбожной власти принесло Православной Церкви. Поскольку большинство православного духовенства богоборцы уничтожили физически, славянские народы остались без духовных наставников, оказались в положении «овец без пастырей». Значительная часть славян утратила навык молитвы, поста, посещения храма и приобщения Таинств, многие были просто обезбожены атеистической пропагандой. При возрождении Православия остро стоят задачи не только воспитания нового поколения духовенства и восстановления храмов – но и возвращения значительной части славян к родной вере.

Мусульманство во времена атеистических гонений понесло значительно меньшие утраты. Стойкость Ислама обусловлена особенностями его внутреннего устройства. В мусульманстве любой сведущий в вероучении человек может возглавить религиозную общину: нет Таинства посвящений духовенства, нет иерархических степеней, без которых не может существовать Православная Церковь, нет и иных христианских таинств, для совершения которых необходимы священник и храм. От атеистических гонений Ислам укрылся в потаенных общинах, скрылся в семьях, где роль вероучителей выполняло старшее поколение. На атеизм в мусульманских регионах смотрели как на навязанную извне официальную идеологию, проводили показательные «атеистические мероприятия», - но, например, даже секретари ЦК Среднеазиатских компартий и местные министры в быту выполняли требования Ислама, и хоронили их по мусульманским обычаям. Поэтому после обретения свободы совести не было необходимости «возродить Ислам»: он просто

вышел на поверхность. Так, в Центральной Азии стремительно (за 2-3 года), повсюду были восстановлены мечети, не только при действенной государственной поддержке, но главное – благодаря единодушному национальному порыву.

Однако велик был и ущерб, нанесенный Исламу атеистическим режимом. Мусульманские верующие - в массе - утратили глубину знаний зачастую не только о тонкостях, но и об основах Ислама. Пришла в упадок мусульманская ученость. А когда в новых условиях возникла нужда в повышении образованности мусульманского духовенства, религиозные знания поначалу можно было получить только за границей. И в заполнении этого «духовного вакуума» саудовский ваххабизм проявил особую активность.

Восстанавливающимся мусульманским общинам не просто предлагалась, но чуть ли не навязывалась помощь финансами и литературой; с единственным, впрочем, условием, - чтобы получатели помнили, откуда эта помощь поступила. Молодых мусульман из СНГ радушно приглашали на учебу в арабийские духовные учебные заведения: там будущее исламское духовенство изучало не только Коран и арабский язык, но и ваххабизм. Саудовские миссионеры-ваххабиты стали появляться на Северном Кавказе и в Центральной Азии, пытаясь подчинить своему влиянию местных мусульман. И во многих местах, где мусульмане недостаточно разбирались в тонкостях религии, пришельцев приветствовали, как «братьев по вере».

Затем началась кампания по «захвату мечетей», с вытеснением из них духовенства классического Ислама и заменой его деятелями проваххабитского толка. Вслед за «религиозными наставниками» появились «учителя» иного рода: руководители боевых групп, преподававшие терроризм и вербовавшие «студентов» в лагеря по подготовке боевиков в Афганистане и Пакистане. Среди таких «наставников» – и небезызвестный массовый убийца Хаттаб (по сообщениям дезинформированной прессы - якобы «гражданин Иордании», но на самом деле – араб из Саудовской Аравии). Созданные таким образом в Ферганской долине ваххабитские центры составили заговор с целью политического переворота, - однако эти попытки были своевременно разоблачены и пресечены государственной властью.

Принцип демократии отнюдь не принцип вседозволенности. Для истинной демократии необходимы законность, защита общества от преступности, в том числе и от тоталитарных сект, занимающихся политиканством, имеющих экстремистский характер, пропагандирующих насилие над личностью и терроризм, входящих в противоречие с демократической защитой народа. Излишняя «либеральность» законодательства Кыргызстана в отношении к сектантству облегчила ваххабитам создание их баз на юге Республики, что, в конечном счете, и привело к Баткенской трагедии, - вторжению на земли Кыргызстана в августе 1999 года террористических банд, к длившемуся несколько месяцев кровопролитию. Ваххабитские боевики показали истинное лицо своей «религиозности», - в мечетях кыргызстанских селений, где бандиты устраивали опорные пункты, они оставили под молитвенными ковриками шприцы из-под героина.

Необходимо сказать, что тоталитарная секта ваххабитов не может быть побеждена только усилиями правоохранительных органов. Лучшее средство борьбы с любыми извращениями Ислама – это широкое мусульманское просвещение. Если мусульманские народы будут иметь глубокие знания о своей вере: экстремистские секты, выступающие под личиной «борцов за чистый Ислам», повсюду будут получать должный отпор. Враждебность ваххабизма таким традиционным ветвям мусульманства, как шиизм и суфизм, очевидна, - а углубление мусульманской учености не позволит ваххабитской секте паразитировать и на суннизме.

Традиции мусульманства в Центральной Азии необычайно богаты, здесь нет нужды прибегать к небезопасным иностранным заимствованиям. На протяжении тринадцати веков в этом краю главенствующей формой шариата для суннитов являлся ханафитский махзаб – школа мусульманского права, отличающаяся особой терпимостью,

милосердием и человечностью. Можно отметить, что и наиболее распространенный здесь вид суфизма, тарикат Накшбандийя, базируется на ханафитском махзабе.

Само движение мурджиитов, одним из глав которого был знаменитый исламский законовед Абу Ханафа, имеет славную историю. Мурджииты выступали, как миротворцы, при возникновении мусульманских междоусобиц; ханафитские улемы (ученые) боролись за признание равенства тюркских и персидских народов с арабами в мусульманском мире.

Учение ханафитов зиждительно для государства. Среди его «золотых правил» – терпимость: «фикх (закон) не должен создавать неудобств в жизни верующих», и апостоличность духовенства, выраженная в изречении знаменитого ханафитского вероучителя из Бухары ас-Садра аш-Шахида:

«Дело улема – познание Корана,
А государство – забота эмира и хана».

Возрождение в Центральной Азии классических тринадцативековых традиций ханафитской школы, популяризация истории мурджиитов, деятельности Абу Ханафы и его наставника ал-Хариса ибн Сурайджа, изучение в медресе наследия плеяды трудившихся здесь ханафитских улемов, насчитывающей десятки знаменитых имен, - это видится лучшим лекарством от псевдомусульманских «новшеств», от экстремизма, фанатизма, политических спекуляций на религии. Да и в любом регионе – просвещение мусульманских народов в духе классического Ислама может привести только к благотворным последствиям, ибо по сути своей мусульманство – религия трезвенная, гуманная и миролюбивая.

Глава IV.

Талибан:

«зеленое знамя» на героиновой игле.

Недавно в прессу просочилось сообщение о том, что на состоявшейся в июне 1999 года в Вашингтоне конференции Центра стратегических и политических исследований США была открыто признана «роль специальных служб Соединенных Штатов в создании радикального исламского движения Талибан, ныне господствующего в Афганистане». Деятели американской разведки оправдывались: мол, хитроумные талибы обещали им ввести в своей стране демократию и покончить с наркобизнесом, - а сделали все наоборот. Но далеко не впервые «наивное и доверчивое» ЦРУ содействует появлению необычайно свирепых режимов и организаций. Президент США Д. Эйзенхауер в свое время говорил об одном из латиноамериканских диктаторов: «Он, конечно, подлец, - но это наш подлец». Стремление американской сверхсупердержавы иметь «собственных подлецов» в различных регионах мира чревато непредсказуемыми последствиями. Еще неизвестно, к чему приведет Европу авантюра в Косово: но уже очевидно, что с помощью «миротворцев» из НАТО мнимый «геноцид» албанцев-косоваров сменился реальным геноцидом косовских сербов. А авантюрой ЦРУ в Афганистане порожден талибский наркотический монстр: видимо, самый чудовищный из всех существующих в современном мире тоталитарных режимов.

В том, что Талибан действительно «радикальное движение», спору нет, - но вот называть его «исламским» могут только сами талибы и их покровители. Для лидеров Талибана «зеленое знамя джихада» – лишь средство для фанатизации армии, а суровая форма шариата, грозящая жестокими карами за малейшее нарушение обрядности, - лишь дубинка для того, чтобы держать народ в страхе и подчинении. Ислам для талибских главарей – только ширма, за которой скрываются их действительные кумиры: власть и

корысть. Талибан, попирающий основы мусульманской веры, является по сути «радикальным антиисламским движением».

В свете отношения Ислама к наркотикам – Талибан представляется преступным сообществом отравителей. На захваченных ими территориях талибы принудительно ввели наркотическую монокультуру: заставили феллахов повсюду сеять опиумный мак, взывая десятину с урожая. Была создана соответствующая промышленность: все лидеры Талибана имеют собственные предприятия по производству героина. Оборудованием этих лабораторий по новейшим технологиям, занимались прибывшие с Запада специалисты: надо думать, что это были все же представители не ЦРУ, а мафии. В результате Талибан за кратчайший срок стал мировым лидером по производству «тяжелых» наркотиков: до 50% поступающего на наркорынок героина имеет афганское происхождение.

Созданием столь мощной наркоиндустрии Талибан прежде всего ведет к деградации собственного народа: страна-наркопроизводитель неизбежно заражает наркоманией свое население. В этом отношении известен пример «кокаиновой» Колумбии. Специализирующийся на гораздо более страшном зелье «героиновый» Афганистан обрекается на ту же судьбу. Но процессы вырождения могут длиться десятилетиями: а пока Талибан имеет армию, фанатизированную псевдоисламскими лозунгами вкупе с наркотическим «кайфом», и получает от наркобизнеса огромные финансовые средства для ведения войны. Доходы афгано-пакистанской наркомафии поднимаются до 75 миллиардов долларов в год.

Разумеется, наркоиндустрия талибов нацелена не на внутренний рынок, а на масштабный экспорт. Их наркодельцы проникли даже на Малый Афганский Памир и отбирают у кочующих там кыргызов скот, оставляя взамен героин: чтобы избежать голодной смерти, скотоводы вынуждены сбывать наркотик в Ферганской долине. Вслед за самими афганцами, жертвами преступного бизнеса становится население «стран транзита»: массовое распространение наркомания уже получила в Пакистане, Таджикистане, Кыргызстане. На границе Туркменистана с Афганистаном имела место настоящая «опиумная война»: в схватках с бандами наркоконтрабандистов гибли десятки туркменских пограничников. И Узбекистану даже жесткими мерами пока не удается остановить провоз наркотиков через свою территорию. И узбекский и туркменский «щиты» не могут еще в полной мере защитить от афганского героинового потока ту же Россию, где в борьбе с наркомафией пока ограничиваются полумерами. Вследствие этого наркомания для россиян стала национальным бедствием. Статистика чудовищна: Россия уже вошла в «пятерку» самых наркотизированных стран мира, каждый третий российский школьник употребляет наркотики...

По поводу событий в Чечне глава Российской Федерации В. В. Путин констатировал: «Международный терроризм объявил войну России». Между тем никем еще не отмечено, что афганский Талибан уже давно ведет необъявленную войну с Россией, взимая с нее ежегодную дань в миллиарды наркодолларов и - в десятки тысяч загубленных наркотиками жизней.

Между тем наркоиндустрия нынешнего Афганистана ставит все новые рекорды производства: и транспортируемый через Россию афганский героиновый поток, похоже, вскоре начнет затоплять страны Европы.

Всем памятен скандал с «Бэнка оф Нью-Йорк», где якобы «отмывались грязные деньги» из России: характер происхождения этих денег так и остался невыясненным. А вот финансовые средства Талибана до недавнего времени ничьего внимания не привлекали, хотя общеизвестно: «чистых» денег у талибов практически нет, - более 90 % их доходов, по оценкам экспертов, дает наркобизнес. Однако решение об аресте зарубежных счетов Талибана было принято лишь в конце 1999 года, - и отнюдь не из-за мафиозной природы этого движения, а по причине отказа талибов выдать Западу «супертеррориста» Усаму Бен Ладена, досадившего США взрывом американского посольства в Кении. При этом: тот факт, что Бен Ладен ежегодно выделяет 250 миллионов

долларов на подрывную деятельность в СНГ, что он финансировал гражданскую войну в Таджикистане и банды террористов в Чечне, - западное сообщество совершенно не волнуется. По мнению Запада, - в Чечне не террористы, а Россия, с терроризмом борющаяся, якобы «нарушает права человека».

Еще одно преступление против исламской религии, совершаемое Талибаном: спекуляция на пуштунском расизме. Мусульманство еще на заре своего существования преодолело и предало проклятию межнациональную вражду. Талибы же возродили дикарскую резню по национальному признаку. Во многом фальсифицированные известия об «этнических чистках в Косово» вызвали взрыв негодования на Западе. А то, что талибы от имени «господствующего народа пушту» перед глазами всего мира проводили «этнические чистки», уничтожая афганцев таджикской, хазарейской и узбекской национальностей, - отнюдь не возмутило западное сообщество.

Афганистан – страна особая. Еще в XVII веке афганцы приобрели известность своей воинственностью: перед угрозой их набегов трепетала вся Центральная Азия; афганская гвардия обеспечивала военную мощь Кокандского ханства. В те времена, когда европейские державы стремились к захвату колоний на Востоке, - Афганистан остался неприступной твердыней. Британская империя, находясь в зените своего могущества, - при попытке покорить Афганистан потерпела позорное поражение. Родилась ли бредовая идея вторжения СССР в Афганистан в головах партийных чиновников или была умело спровоцирована западными спецслужбами – это мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Начинать войну с такой страной было безумием, вести эту войну «ограниченным контингентом» – безумием двойным. Вторжение атеистического СССР дало афганцам право на объявление джихада, советская военная авантюра оставила в их памяти исторический шрам: неприязнь к «шурави» (русским). Конечно, нет вины на обманутых воинах, которых уверили в том, что в чужой стране они исполняют «интернациональный долг», помогают торжеству справедливости. Не только перед судом истории, - на страшном Суде Божиим ответят виновные в развязывании войны СССР против Афганистана, в том, что советские солдаты и офицеры были ввергнуты в афганскую мясорубку, словно слепые, не зная, где друзья, а где враги.

Агрессия против Афганистана, обернувшаяся крахом для военных машин Великобритании и СССР, - и сейчас развивается благодаря хитроумию американских спецслужб. Пакистан осуществил интервенцию с целью свержения законного афганского правительства – силами афганского же Талибана. На территории Пакистана талибам был обеспечен тыл: созданы базы для подготовки армии, предоставлены оружие и финансовые средства. Среди «наук», преподаваемых боевикам Талибана в пакистанских лагерях – проведение чудовищных пыток, применяемых и как способ допроса, и при казнях военнопленных и инакомыслящих. В то время, когда США с воплями о «защите прав человека» осыпают бомбами любое не нравящееся им государство, - Пакистан, взлелеявший людоедское движение талибов с их наркомафией, садистскими пытками, расовой дискриминацией, - остается «любимцем западных демократий»: ни о каких политических, экономических, а уж тем более военных санкциях против Пакистана западные «правозащитники» и не помышляют.

Талибан отблагодарил своих пакистанских покровителей тем, что - делится с ними доходами от наркоторговли. Именно из этого грязного источника черпали свое богатство высокопоставленные пакистанские чиновники, включая глав государства. В Женеве опубликованы материалы, свидетельствующие о перечислении талибской наркомафией процента с прибылей на швейцарские счета бывшего Президента Пакистана Беназир Бхутто: сейчас «героиновая королева» Б. Бхутто свободно благоденствует в Великобритании.

В политических интригах талибы оказались способными учениками и использовали «пакистанский сценарий» для разжигания гражданской войны в Таджикистане. Внутритаджикистанский конфликт не имел никакого отношения к

религии: это была клановая борьба за власть. Претензии объединенной таджикской оппозиции (ОТО) на то, чтобы выглядеть «лучшими мусульманами», чем правительство, абсурдны, - Президент Имомали Рахмонов и его окружение были готовы оказать и действительно оказывали действенную поддержку мусульманству. Не религия Ислама виновна в том, что вместо цивилизованного раздела власти была развязана братоубийственная бойня.

Ислам ли выиграл от того, что погибли тысячи таджикских мусульман, десятки тысяч семей ввергнуты в горе и нищету, страна разорена? Нет: преступную выгоду из братоубийства извлекла только афганская наркомафия. По земле Таджикистана проложены «транзиты», по которым до 80 % наркопродукции талибов идет в Россию и далее в Европу. Разрушенная войной экономика Таджикистана породила множество бедняков-«рекрутов», ради выживания своих семейств готовых служить наркокурьерами.

Таким образом, Талибан вполне окупил расходы на подготовку боевых групп ОТО на своей территории, на подпитку оружием антиправительственных выступлений в Таджикистане. Гражданская война, ширмой которой было «зеленое знамя» Ислама, на самом деле велась за свободу наркоторговли.

Начавшиеся процессы примирения, увы, еще не означают конец трагедии Таджикистана. Многие лидеры ОТО, как видится, искренне отмежевались от бывших союзников и готовы в составе коалиционного правительства работать на благо родного народа. Однако над некоторыми оппозиционерами, хоть и декларирующими патриотизм и стремление к миру, по-прежнему довлеют властные амбиции и «моральный долг» перед поддержавшим их в свое время Талибаном. Позицию подобных деятелей нельзя расценить иначе, как предательскую: они не хотят помнить и понимать, что для Талибана таджики – это «нация второго сорта», обрекаемая на участь рабов наркомафии. Еще хуже тот факт, что на своей территории Таджикистан имеет собственную «беззаконную Чечню»: области, не контролируемые правительством, где господствуют талибские банды. Таковы горные районы на востоке страны: Каратегинский, Гармский, Джиргитальский и другие, захваченные различными «полевыми командирами» и превращенные в базы торговли наркотиками и оружием. На этой территории уже создается собственная наркоиндустрия: открыта героиновая фабрика в Шаркузи, действует и еще ряд лабораторий по производству героина. Эту зону Талибан использует в качестве плацдарма для продолжения скрытой агрессии как против Таджикистана, так и против других государств Центральной Азии.

«Репетицией» интервенции в августе 1999 года стало вторжение части бандформирований, находящихся в распоряжении узбекского уголовника Джумы Намангани, в Баткенский район Кыргызстана. Целью бандитов было провозглашено «восстановление Кокандского ханства», то есть захват Ферганской долины – Ошской области Кыргызстана, Андижанской, Наманганской и Ферганской областей Узбекистана. Разумеется, интервенция велась под прикрытием «зеленого знамени джихада»: однако мирные кыргызские дехкане увидели в явившихся к ним «воинах Аллаха» – убийц, грабителей и наркоманов. Руководство действиями бандитов в Баткене велось непосредственно из талибских центров – Кабула и Кандагара. Разумеется, действуя «ограниченным контингентом» своих ставленников, Талибан не мог рассчитывать на масштабный успех агрессии: но кровопролитие длилось несколько месяцев, вызывая тревогу в обществе и напряженность в отношениях между государствами Средней Азии. Талибская вылазка в Баткен имела успех в качестве провокации: Узбекистан (может быть, в слишком жесткой форме) предъявил законные претензии – Таджикистану, не сумевшему пресечь проникновение банды со своей территории в соседнюю страну и дальнейшую «подпитку» бандитов с таджикских баз, и Кыргызстану, вместо уничтожения бандформирования просто вытеснившего его опять в таджикские горы, откуда в любой удобный момент можно вновь ожидать вылазки экстремистов. Следствием этих заявлений стали дипломатические трения.

Между тем перед лицом нависшей над регионом страшной талибской угрозы государствам Центральной Азии жизненно необходимы взаимопонимание и единство действий.

Талибан не скрывает своего чудовищного глобального плана: создания «великого Афганистана», простирающегося до границ с Китаем. Дело тут не только в мании величия: наркомафию талибов очень раздражают узбекский и туркменский «щиты», мешающие свободно извлекать сверхприбыли из торговли дьявольским зельем.

Кыргызстан и Казахстан сейчас стоят перед выбором: создавать жесткую эшелонированную оборону против наркобизнеса – или отдать свои народы на отравление наркотиками (та же проблема все острее становится для Российской Федерации).

Ради власти и наркотической корысти Талибан не остановился бы перед тем, чтобы залить кровью всю Центральную Азию. Имперские амбиции талибов сдерживает лишь то, что в самом Афганистане продолжается сопротивление Северного альянса, поддерживающего законное, избранное народом правительство страны.

Основанное на расистской доктрине, движение Талибан умело разжигает межнациональные (таджикско-узбекские) трения, хотя режим талибов равно враждебен и таджикам, и узбекам. Спекуляциями на межэтнических конфликтах удалось на некоторое время внести раскол в ряды Северного альянса; в разжигании тюркско-таджикских противоречий талибы видят залог своего успеха в Центральной Азии.

Просвещенный Ислам, с отвращением относящийся к расизму, должен помочь мусульманам разных народов разоблачить происки талибов, сохранив столь необходимое в нынешних условиях единство.

В 1999 году Президент Таджикистана Имомали Рахмонов вновь одержал уверенную победу на выборах главы государства: его кандидатуру поддержало абсолютное большинство населения. Облеченный доверием народа, И. Рахмонов сделал ряд заявлений о твердости своих намерений – вывести, наконец, многострадальный народ Таджикистана на путь мирного созидания, покончить с гражданской смутой, со всеми видами экстремизма и преступности в доверившейся ему стране. Нет сомнений в решимости и доброй воле Президента И. Рахмонова, но, увы, - возникают сомнения: хватит ли у правительства сил для того, чтобы привести в исполнение благие намерения. Наркомания и наркобизнес стали в Таджикистане национальными бедствиями: усилиями только российских пограничников и таджикских таможенников побороть это зло невозможно, - необходимы, с одной стороны, мощные правоохранительные органы, которые в настоящее время очень слабы, а с другой стороны, восстановление и подъем нормальной экономики, ликвидация безработицы и нищеты, являющихся почвой для вербовки «рекрутов» наркомафии. Еще одно бедствие: наличие на востоке страны бандитских гнезд, созданных проталибскими боевиками укрепрайонов, оснащенных бронетехникой и средствами противовоздушной обороны. Имея такую внутреннюю язву, государство не может нормально существовать и развиваться, - а ликвидировать базы экстремистов собственными силами Таджикистан в его нынешнем состоянии вряд ли способен. Надежды талибов на «постепенное слияние внутриафганского и внутритаджикского конфликтов», на то, что Таджикистан может стать плацдармом для их интервенции в Центральную Азию, - и поныне остаются реальной угрозой. Поэтому действенная и всесторонняя помощь Таджикистану со стороны как всех государств Центральной Азии, так и России, - есть не только акт милосердия, но и их долг по обеспечению безопасности собственных народов. Надо надеяться, что ни какие-либо амбиции, ни ложная гордость не помешают правительству Таджикистана просить и принимать такую насущно необходимую помощь.

Россия уже имеет горький опыт бедствий, причиненных ей маленькой Ичкерией, где чеченский народ стал заложником бандитов. Так что же может произойти, если «соседом» России вдруг окажется монстр талибской империи? Каковы бы ни были российские внутренние трудности, Россия должна помнить – сотрудничеством с

государствами Центральной Азии она защищает собственные кровные интересы, оберегает себя от возможности страшных потрясений в будущем.

На протяжении четырех столетий Афганистан был краем воинственным и военизированным: а такое состояние не содействует развитию науки и просвещения. Известно: «когда говорят пушки, музы должны молчать», - за эти века угасла некогда знаменитая далеко за пределами Афганистана школа ханафитов в Герате, пришла в упадок мусульманская ученость. Афганцев можно уподобить жителям древней Спарты, славившимися воинской доблестью, однако оставившим лишь незначительный след в науке, философии и искусстве. Но все же хочется надеяться, что у самих афганцев хватит разума, чтобы понять всю дикость Талибана, попирающего основы мусульманской религии, ввергающего свою страну в омут наркомании, - и самим сбросить с себя иго этого чудовищного режима.

На примере Талибана мы видим, что именно извратители мусульманства громче других кричат о религии, разжигают фанатизм, торопятся объявлять «джихады». Эти, по сути своей антиисламские, силы дерзают называть себя «лучшими мусульманами, чем другие», - и под этим предлогом развязывают в собственных странах братоубийство, как в Афганистане и Таджикистане, осуществляют агрессии против других мусульманских народов, как при вторжении басаевских банд в Дагестан или бандитов в Кыргызстан. Эти кровавые спекуляции – преступление перед Исламом, который никогда не делил своих верующих на «лучших» и «худших». В Коране сказано: «О вы, которые уверовали! Когда отправляетесь по пути Аллаха, то не говорите тому, кто предложит вам мир: "Ты не верующий!" - домогаясь случайностей жизни ближней» (Сура 3 «Семейство Имрана», аят 96/94/).

Глава V.

Фундаментален ли «исламский фундаментализм»?

Так называемый «исламский фундаментализм» есть стремление к созданию закрытых для внешних влияний государств или обществ, в которых восстанавливаются наиболее суровые нормы шариата и обычаи (адаты) средневекового мусульманства. Термин «фундаментализм» в приложении к этому явлению крайне неудачен, - ибо ничего действительно фундаментального, то есть утверждающего основы вероучения, в нем нет. По сути это обрядоверие, подобное русскому старообрядчеству, в котором также не было ничего «старого». Но причиной которого был недостаток религиозного просвещения. То же и с исламским фундаментализмом: реанимируются второстепенные частности, иногда даже вопреки основам Ислама. Просвещенный мусульманин понимает, что вора́м не обязательно отрубать руки, их можно наказывать иначе. Он знает, что, например, обычай закрывать лицо женщинам и запрет на изображение живых существ появились лишь через несколько веков после Мухаммеда и далеко не во всех мусульманских странах. Достаточно перелистать любой альбом арабских миниатюр, вспомнить имя великого мусульманского портретиста Бехзада или посмотреть на знаменитое самаркандское медресе Шер-Дор, на фасаде которого изображены львы и человеческие лица, чтобы тотчас убедиться в этом. Более того, в Тюркской коллекции Рукописного фонда знаменитейшей на весь мир Национальной библиотеки Франции за инвентарным номером 190 хранится уникальная рукопись «Мирадж-наме», выполненная в XV веке в Герате в период правления Тимурида Шахруха. Текст рукописи, содержащий 84 листа и 61 миниатюру (!) включает в себя не один лишь чисто иллюстрированный материал к истории ночного путешествия пророка Мухаммеда в Иерусалим и его вознесении на небеса (Упоминание об этом, см.: Коран. Сура 17, аят 1), но, что особенно важно, - изображение самого пророка и архангела Джibriила.

Отдельные частности могут соблюдаться или нет: сущность Ислама не в этом.

Действительно фундаментальным, то есть воплощающим суть мусульманства, был просвещенный Ислам Халифатов – с его открытым и веротерпимым общественным устройством, со стремлением воспринять лучшие достижения науки, искусства, ремесел со всех концов света.

Некоторые журналисты в своих статьях путают фундаментализм с ваххабизмом, но это – следствие их неосведомленности, абсурдная постановка знака равенства между явлениями противоположными.

Ваххабизм, - при всей демагогии их последователей о «четырех праведных халифах», - это появившаяся в XIX веке **модернистская секта, исламское «диссидентство»**.

Фундаменталисты же действительно пытаются вернуться к мусульманской старине: беда их лишь в том, что возродить они пытаются не лучшее и неотъемлемое, а второстепенное и мешающее развитию. А когда экстремисты, фанатики или политиканы, прикрываясь буквой шариата, начинают попираť дух Ислама, - в этом не только нет ничего фундаментального, это не мусульманство вообще. Однако необходимо сказать, что подобные извращения совсем не обязательно сопровождают фундаментализм: стремление фундаменталистов к изоляции от западной цивилизации вызвано отнюдь не агрессивностью, а глубокими духовными причинами. Шведский социолог Л. Йонсон с некоторым недоумением констатирует: *«Одним из основных вопросов является взаимодействие исламских традиций с принципами модернизации общества. С одной стороны, многие исламские государства претерпели существенные изменения, подвергаясь влиянию научно-технического прогресса и осуществляя коренные преобразования в общественном устройстве, - но, с другой стороны, нет ни одного примера успешной, завершенной модернизации исламского государства. Достигнув определенного уровня модернизации, государство сталкивается с мощным организованным сопротивлением со стороны части населения, призывающей к возвращению к истокам, к чистому Исламу, что приводит к конфликтным ситуациям»*.

Наблюдение, в общем-то, верное, только западный специалист не уточняет: **что именно** в «модернизации общества» вызывает протест мусульманского мира? Неужели же религия Ислама – всегда, всюду и неизбежно становится «тормозом на пути прогресса»? Отнюдь.

Современные мусульмане, вместе со своими дальними предшественниками эпохи Халифатов, с готовностью и радостью перенимают новейшие достижения науки и техники. Однако в приложение к этим благам цивилизации - и как непременное условие для их передачи – Запад не просто предлагает, но навязывает мусульманским странам свои представления о «демократических свободах» и «правах человека», добавляя к этому и пропаганду «западного образа жизни» через «культурную» продукцию весьма сомнительного свойства. Некоторые из этих «свобод», «прав» и «культурных явлений» с точки зрения Ислама не просто неприемлемы, а – преступны.

Мусульманская религия, в первую очередь, является Законом (тогда как Христианство – это прежде всего Завет). Ислам требует, чтобы грех карался не только в вечности, но и на земле: согласно шариату, контролирующему все поступки мусульманина, преступления против веры и нравственности – есть преступления уголовные. Нужно заметить, что и законодательства христианских стран до сравнительно недавнего времени предусматривали наказания: за оскорбление религии и аморализм. В средневековой Европе прелюбодеяние и содомия карались смертью. Никакой мусульманский шариат не вырабатывал таких свирепых мер борьбы с религиозным инакомыслием, как римо-католическая инквизиция. Что касается России: Петр I ввел закон, по которому за богохульство следовало «губы отсечь и язык прожечь». Еще в начале XX века в Австрии виновную в убийстве ребенка в своей утробе (аборте) ожидала казнь через повешение. В новейшие времена на Западе законы по охране религии и нравственности все более смягчались, пока многие из них не исчезли вовсе. Действия

уголовных кодексов сужаются до сугубо материалистических пределов, ограничиваясь наказаниями за телесные насилия и покушения на чужую материальную собственность. Оскорбления религии, кощунства и богохульства, извращенный разврат, проституция, порнография все увереннее претендуют на вхождение в состав «демократических свобод» и «прав человека». Вкупе с пропагандой наживы и насилия эти «свободы» начинают доминировать в западной так называемой «массовой культуре».

Со времен пресловутых «крестовых походов» главным аргументом в развернутой римо-католиками антиисламской пропаганде было обвинение мусульман в развращенности: на том основании, что Коран допускает многоженство. Но вот парадокс: абсолютное большинство современных мусульман по доброй воле избирает для себя единобрачие: и это крепкие многодетные семьи. (Когда Президент Ингушетии Р. Аушев вознамерился узаконить многоженство, это вызвало у его народа только усмешку). А вот на вроде бы «христианском» Западе процветает «свободная любовь», то есть свобода разврата, включающая содомско-гоморрские его формы.

Поскольку Запад величает себя «христианским», у мусульман нет формальных оснований для обвинения его в «кафр» (неправоверии: то есть безбожии или язычестве), – зато есть полное право для обвинения в «ширк» (нечестии). И когда правительство мусульманской страны вместе с модернизацией экономики начинает внедрять «западный образ жизни» – по мере этого внедрения растет возмущение мусульманских масс. Приверженцы Ислама не могут спокойно смотреть на то, как поток «ширка» – пропаганда всех видов смертного греха затопляет их страну и разлагает общество.

Ислам – религия строгая: для нее недопустима не только порнография, но и полупорнография, считающаяся на Западе уже совершенно «безобидной». С точки зрения просвещенного мусульманства женщину не обязательно упаковывать в паранджу и запирают в ичкари, - но ее одежда и поведение должны быть скромными: это непреложное требование любой школы шариата. Совершенно неприемлема для Ислама западная «рок-поп культура», вполне точно идентифицируемая, как реанимация языческих оргий. Среди навязываемых Западом «демократических свобод» значительное место занимает «свобода совести»: что на деле означает для мусульманской страны появление в ее пределах миссионеров всевозможных сект и религиозных движений. Ислам вообще болезненно реагирует на вербовку прозелитов в своей среде, - а деятельность заезжих проповедников обычно отличается навязчивостью, крикливостью, спекуляциями на человеческих нуждах (это уже не говоря о тоталитарных сектах, использующих преступные методы «зомбирования» личности). Во всей этой «модернизации» мусульмане видят разгул беззакония и покушение на их религию. Реакцией на это становится полное отторжение всего, что идет с Запада, и стремление утвердить Ислам в наиболее строгих его формах: сурового ханбалитского махзаба или средневековых персидских адатов. Тогда мусульманский Закон принимает жестокие меры для пресечения «ширка»: содомитов побивают камнями, вора́м отрубают руки, мужчину, заговорившего на улице с незнакомой женщиной, сажают в тюрьму... Это и есть исламский фундаментализм: восстановление древнемусульманского уголовного права, жесткими мерами охраняющего не только материальные интересы, но и мораль общества, и его религиозные устои.

Вышеназванные аморальные «свободы» одинаково противны как Исламу, так и Православию. Но там, где человек Завета – православный христианин – просто отвернется и, сдерживая приступ тошноты, пройдет мимо, - там человек Закона – мусульманин – в гневе сожмет кулаки. На чудовищный по богохульству фильм режиссера Скорсезе «Последнее искушение Христа» - Православная Церковь ответила только письмами протеста. На книгу Салмана Рушди «Сатанинские стихи», оскорбляющую основоположника Ислама Мухаммеда – мусульманский мир отозвался объявлением писателю джихада, поклявшись уничтожить его в любом месте, где он будет застигнут. Таково различие реакций, обусловленное различием мировоззрений.

Видится, что фундаментализм с его попытками «возвести каменную стену вокруг Ислама», не приносит пользы мусульманству. Дело даже не в том, что на нем паразитируют такие, по сути антиисламские, явления, как фанатизм, экстремизм, а порой и терроризм. Ничего фундаментально мусульманского, как уже говорилось, в фундаментализме нет. Это ошибка, может быть – ошибка трагическая. Не только Арабский Халифат, но и все известные в истории мощные мусульманские государства – Персидское шахство, Египетский и Турецкий султанаты – имели достаточную степень открытости. Современные фундаменталисты пошли по простейшему пути отсечения всех воздействий извне, - вместо гораздо более трудного, но дающего перспективы развития дела: фильтрации иностранных влияний в социальной и культурных сферах. Такая фильтрация (то есть недопущение наиболее грубых видов «ширка») возможна и в рамках демократических принципов. Но еще больший эффект в защите духовно-нравственных ценностей мусульманства имеет противопоставление проникновению западной «масс-культуры» – широкого исламского просвещения и поддерживаемой государством талантливой пропаганде национальных традиций и национальной истории, развитие на этой основе национальной культуры и искусства. Это путь просвещенного Ислама, наиболее соответствующий классическому Исламу Халифатов. Предлагаемая же фундаментализмом под лозунгами защиты религии самоизоляция – есть путь тупиковый, ведущий к застою.

Тем деятелям Запада, которые действительно заинтересованы в модернизации исламских государств и плодотворном сотрудничестве с ними, следовало бы не навязывать мусульманам «западный образ жизни» в стиле вульгарных голливудских «идеалов», а с уважением отнестись к общественным устоям и традициям, которыми мусульмане не желают жертвовать ни за какие «пряники» западной цивилизации.

Теми же причинами, что и фундаментализм, вызвана активизация общин уже на самом Западе. Численность мусульман, поселившихся в западных странах, резко возрастает, - и в их рядах все громче звучат лозунги «дауа»: призывы к обращению в Ислам окружающего мира. (Доходило до прозвучавшего из Алжира требования, чтобы мусульманство принял Президент Франции).

После арабских походов, утвердивших Ислам в странах Востока, мусульманская «дауа» была практически прекращена. Возобновлялась «дауа» лишь в редких частных случаях, когда мусульмане сталкивались с остатками язычества (пример: «дауа», осуществленная узбекским мусульманским духовенством среди язычников Казахстана, проходившая, между прочим, при поддержке властей Российской империи). «Дауа», по мусульманскому вероучению, есть дело не частных лиц, а государства, - и остановка исламского миссионерства была вызвана тем, что в возглавляемых мусульманскими правителями странах стало некого обращать: язычество было побеждено, а «дауа» в отношении «людей Книги» (христиан и иудаистов) противоречит Корану. В этом отношении Ислам – наиболее «толерантная» из мировых религий.

В наши дни проповедники недавно народившихся на свет сект, каких-нибудь мунистов или иеговистов, чуть не за горло хватают вербуемого прозелита: иди только к нам, мол, больше нигде не спасешься! Ислам же, считая указанный Мухаммедом путь веры наиболее правильным, одновременно признает право «людей Книги» на свой путь к Всевышнему. «Всякая община будет призвана к своей Книге» (Сура 45 «Коленопреклоненная», аят 27/28/); «Пусть судят обладатели Евангелия по тому, что низвел в нем Бог... Поистине те, которые уверовали и которые исповедуют иудейство и христианство, - кто уверовал в Бога и Судный День и творил благое, - нет страха над ними, и не будут они печальны!» (Сура 5 «Трапеза», аяты 51/47/, 73/69/), - подобных высказываний в Коране и хадисах более чем достаточно. С точки зрения классического Ислама, «дауа» среди «людей Книги» просто абсурдна.

Турецкая империя, владевшая значительной частью Европы, была несравненно более жестким, чем Арабские Халифаты, государственным образованием, - однако и

султанское правительство не вело никакой «дауа» среди поданных-христиан. Переход в мусульманство из «райя» (христианской общины) означал для прозелита лишь налоговые льготы и возможность сделать карьеру на государственной службе. Искажения в мусульманско-христианских отношениях в Турецком султанате относятся только к сфере политики или суеверий. Среди турецких мусульман была довольно широко распространена «мода» крестить своих детей у христианских священников: отнюдь не для того, чтобы воспитать их в христианстве, а вследствие поверья, будто крещеный ребенок будет расти красивым, послушным и добрым. С другой стороны, некоторые турки проявляли «частную инициативу» в переводе христиан в мусульманство (причем нужен был только один прозелит). Эта «дауа» носила характер плачевного анекдота: исламский рай сулит верующим изобилие чувственных удовольствий, но в их списке не хватает одного: поскольку там нет огня, невозможно удовлетворить страсть к курению табака. А если мусульманин обратит в Ислам христианина, тот также попадет в рай, но и там, как изменник своей (христианской) веры, будет гореть вечным огнем, - и об него обративший его мусульманин сможет раскуривать свою трубку.

Кстати, сквозь это суеверие тоже достаточно четко просвечивает мусульманское убеждение: отказ «человека Книги» от своей веры (даже ради Ислама) – есть предательство и грех перед Богом.

Откуда же взялись попытки возобновления «дауа» со стороны современных мусульман?

Оказавшись в западной стране, мусульманин попадает в окружение «ширка» («нечестия»), оскорбляющего его религиозные убеждения и вызывающего желание привести окружающее в соответствие с требованиями Корана. Формального права на обвинение «христианского» Запада в «кафр» (безбожии или богопротивном язычестве) Ислам не имеет (впрочем, еще во времена пресловутой «крестоносной» агрессии мусульмане стали называть римо-католиков «кафирами»). Однако приверженцы Ислама делают не формальные, а сущностные оценки: истина же в том, что **современный Запад уже очень далеко ушел от Евангелия Христова и по сути стал языческим**, поклоняясь «золотому тельцу» наживы и кумирам «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской». Отсюда становится понятным стремление мусульман: обратить на западных язычников и безбожников свою «дауа».

После «перестройки» Россия успела перенять с Запада отнюдь не новейшие технологии и материальное процветание, - но аморальную «масс-культуру», заполнившую средства массовой информации и разлагающую общество. Если эта вакханалия «ширка» будет продолжаться, нетрудно предвидеть негативную реакцию российских мусульман – и необходимо предупредить, что в этой связи могут возникнуть тяжелейшие конфликтные ситуации. Если же русский народ возродится в родной вере – Православии, тогда проблем в отношениях с мусульманами не предвидится никаких.

В средние века Ислам противостоял глобальным агрессиям со стороны римо-католиков и несториан, в позднейшие времена имел немало конфликтов с протестантскими миссиями. Но на всем протяжении истории между Исламом и Православием никогда не возникало противоборства.

Коран называет христиан («насара») – «ближайшими по любви к мусульманам» (Сура 5 «Трапеза», аят 85/82/). Единственное требование, которое Коран предъявляет к «людям Книги» – это действительно следовать их собственному учению: «О люди Книги! Вы не на чем не держитесь, пока не установите прямо Торы и Евангелия!» (Сура 5 «Трапеза», аят 72/68/).

История православно-мусульманских отношений есть косвенное, но весьма яркое свидетельство того, что в отличие от западных конфессий, - только Православие сумело «установить Евангелие прямо»: соблюсти в чистоте веру Христову.

И уже в новейшей истории: уникальный, образцовый для всего мира полуторавековой опыт не просто мирного соседства, а содружества Православия и Ислама был накоплен в Центральной Азии.

Глава VI.

Центральноазиатский опыт содружества.

В 1839 году Казахский Большой Жуз в поисках защиты от кокандско-афганских нашествий принял решение о присоединении к Российской Империи, а затем восставшие против власти Коканда кыргызы Таласской и Чуйской долин тоже призвали на помощь Россию. За этим мирным продвижением в Центральную Азию последовала военная авантюра императора Александра II, затеявшего соперничество с Великобританией за «сферы влияния» на Востоке. Русские войска захватили остальные государства региона, из-за своей раздробленности и взаимных распрей не сумевшие устоять против завоевателей (независимость сохранил только Бухарский эмират). Этот грех интервенции, совершенный имперской Россией, требует покаяния, - и в трудах честных русских историков, и в историческом самосознании русского народа. Однако нужно сказать, что дальнейшие действия российских властей в этом краю никак не вписывались в схему колониального захвата.

«Лев» британской разведки С. Рэйли называл политику Российской империи в Центральной Азии «странной, но эффективной». Действительно, привычным к административным и миссионерским насилиям над завоеванными странами могла показаться непонятной позиция российских властей: не покорять, а просто присутствовать, не навязывать своих взглядов и традиций, а поддерживать местную религию и культуру. В неприкосновенности оставались не только имущественные права населения, но и привилегии центральноазиатской аристократии, представители которой вдобавок к прежним званиям получили дворянские титулы. В немногочисленном тогда высшем военном командовании для генералов-мусульман были предусмотрены специальные вакансии: на местах имперские представители осуществляли только контроль, а реальная власть оставалась у прежних правителей.

Генерал-губернаторы «российского Туркестана» строго следили лишь за тем, чтобы повсюду в крае сохранялись мир, закон, порядок. Можно отметить, что до российского вторжения Центральная Азия находилась в прискорбном положении, подобном состоянию Древней Руси во времена княжеских удельных междоусобиц. После блистательного «мусульманского Ренессанса» эпохи Темуридов – здесь разгорелась кровавая игра властолюбий и началось дробление на все более мелкие государственные образования. В течение трех веков Центральная Азия не знала ни одного мирного года: то в одной, то в другой области региона вспыхивали локальные войны. Особую роль играло Кокандское ханство (к восстановлению которого призывают некоторые современные экстремисты). Военные силы Коканда составляла афганская гвардия. Это было государство-хищник, «бизнесом» которого являлись грабеж соседей и продажа в рабство захваченного при набегах мирного населения. Даже когда российские войска вступили на территорию Маверроунахра (среднеазиатского Междуречья), там еще длилась междоусобица. Но, услышав о приближении сильного противника, афганские наемники предали Кокандского хана и ушли в свою страну. По Промыслу Божию, «странные завоеватели» явились в Центральную Азию, как миротворцы: и местные народы не могли не оценить благодетельность их присутствия.

Имперские власти в этом краю не просто демонстрировали веротерпимость, но стремились покровительствовать мусульманам. В инструкциях направлявшимся в Туркестан чиновникам сразу же за призывом к верности Отечеству и Царскому Престолу – следовало требование: «проявлять справедливость к нуждам и интересам мусульман».

Полностью были сохранены привилегии, доходы и владения («вакуфы») исламского духовенства, не облагавшиеся налогом; вдобавок преподавателям мусульманских заведений – медресе и мектебов – стали выплачивать государственное жалование. За счет имперской казны был массовым тиражом издан Коран: весь тираж был безвозмездно передан исламскому духовенству. Крупные дотации выделялись на реставрацию старинных мечетей. На личные средства царя Александра III была восстановлена из развалин знаменитая ташкентская мечеть Джамии. В обращенной к «белому царю», как здесь называли российского императора, благодарственной речи, казий ташкентских мусульман Мухаммед Мухитдин-Ходжа говорил: «Хвала Аллаху! При белом царе ничто не мешает нам следовать адату и шариату. Повсеместно у всех народов наиболее почитаются два предмета – религия и знание. И правитель, оказывающий покровительство этим двум предметам, большей милости оказать не может».

Разгадка «странной политики» России видится в том, что политика эта была проникнута духом Православия – духом смирения, братолюбия и кротости. Поэтому не удивительно, что мусульмане Центральной Азии добротой и радушием встретили иноземцев – православных русских людей.

Православие явилось в этот край отнюдь не как торжествующая миссионерская религия завоевателей, а смиренно, лишь для скромного пастырского окормления крестьян-переселенцев из густонаселенных областей России. К этим бедствующим скитальцам мусульмане отнеслись с высоким милосердием. Иеромонах Харитон, очевидец того времени, свидетельствует: «Местные жители сочувствуют бедным переселенцам, без того многие поумирали бы с голоду и нужды».

Русские крестьяне и в далеком краю помнили о родной православной вере. Как только они обживались на новом месте, первой их заботой становилось создание храма. И в этом им помогала щедрая рука мусульман. Три сельских храма в Туркестане были полностью построены на средства мусульманских благотворителей. Деньги на строительство сохранившегося поныне и ставшего монастырским Свято-Георгиевского храма в Чирчике пожертвовал местный мулла. В списке главных вкладчиков строительства Самаркандского Свято-Алексиевского собора указаны «купцы из мусульман Алимбековы».

Храмы Центральной Азии отличались особой красотой лепных украшений, применением в своем убранстве традиционной для местных народов резьбы по ганчу (алебастру) и карагачу; храмовые здания и ограды украшались восточными мозаиками. При этом мусульмане считали для себя почетным участие в создании православных храмов. Узбекскими мастерами-гончкорами были созданы резные иконостасы и киоты для Иосифо-Георгиевского собора в Ташкенте, соборов Коканда, Андижана, Намангана, Ферганы. Эти произведения искусства были уникальны: нигде более в мире не было резьбы по алебастру в христианских храмах. Прекрасный Казанский собор в Коканде можно считать совместным творением славянского и тюркского искусства. Этот храм, сочетавший традиции русского зодчества XVII века с множеством украшений в восточном стиле, под руководством архитектора О. Васильева создавали узбекские мастера. За участие в создании Казанского собора кокандский мастер Усто Хуснитдин был награжден медалью святого Станислава. (Увы, и Кокандский собор, и все великолепные храмы Ферганской долины были уничтожены большевистскими варварами).

Вместе мусульмане и христиане осуществляли благотворительность, создавали приюты для детей-сирот. Помимо средств православных братств, большую помощь в этом оказал дар эмира Саида Алимхана, приславшего десять тысяч червонцев “на доброе дело”. В приютах вместе воспитывались сироты разных национальностей: закон Божий детям мусульман преподавал мулла, а русским - православный священник.

Миссионерской деятельности в Туркестане практически не велось. Епископ Димитрий (князь Абашидзе), возглавлявший епархию в начале XX столетия, приводит своеобразную статистику. За весь (длившейся более полувека) имперский период приняло

христианство: 8 кара-киргиз, 2 туркмена, 3 сарта (узбека), 1 перс (вероятно, таджик). В то же время 10 русских в Туркестане перешло в мусульманство, среди них оказался даже священник по фамилии Громов. Очевидно, что перемена веры была сделана этими немногими людьми из внутренних побуждений, нисколько не затрагивая отношений Православия и Ислама. Робкая попытка епископа Григория (Полетаева) организовать миссию среди имевшихся в Кыргызстане язычников была пресечена указом генерал-губернатора Вревского о «передаче религиозных дел кара-киргизов в ведение сартского (то есть узбекского) мусульманского духовенства». И это далеко не единичный случай того, как русские чиновники в Туркестане в подобных ситуациях отдавали предпочтение Исламу. Православные ревнители могут как угодно оценивать такие факты, но, несомненно, такая позиция имперской власти способствовала и межрелигиозному, и межнациональному согласию в крае.

Утвердившееся уже в XIX веке содружество православных и мусульман в Центральной Азии только крепло. Но ничто так не сближает людей, как совместно перенесенные страдания. Большевики-богоборцы с одинаковой яростью обрушили репрессии на Православие и Ислам. В этом краю одни и те же кощунники взрывали храмы и жгли мечети. Одни и те же чекисты арестовывали муллу и священника. Одни и те же «воинствующие безбожники» врываются в дома православных, срывают со стен и рубили топорами иконы, а в дни поста Рамадан вламывались в дома мусульман и насильственно запикивали им в рот пищу, заставляя нарушить пост. Перед лицом свирепых гонителей мусульмане и православные проникались взаимным сочувствием, стремились помочь друг другу.

Если Сибирь во времена большевистских репрессий называют “землей мучеников”, то Центральная Азия должна быть названа “землей исповедников” - ведь сюда массово ссылали твердое в вере духовенство и монашествующих. Здесь в разных городах и селениях претерпевали ссылку 17 архиереев Русской Православной Церкви. В одном только Ташкенте за Боткинским кладбищем располагался целый городок православных ссыльных, который местные жители называли “шанхаем”. Там в сараях, шалашах и землянках жило более трех тысяч священников и монашествующих. По свидетельству очевидцев, в этот “шанхай” каждый день приходила группа мусульман-узбеков, раздававших пищу и одежду, - а ведь за помощь ссыльным их самих могли репрессировать. Известны случаи, когда мусульмане укрывали православных от гонений, рискуя собственными жизнями. Так, последней настоятельнице Ташкентской Свято-Никольской обители игумении Лидии (Нагорновой), на которую уже был подписан “расстрельный приговор”, помог бежать от ареста мусульманин по имени Джура.

Проверенное на протяжении полутора веков и закалившееся в испытаниях содружество Ислама и Православия в Центральной Азии успешно развивается в наши дни. Мы едины в неприятии греха и беззакония, в стремлении воспитать своих верующих в общих для наших религий нравственных идеалах – в честности и порядочности, доброте и уважении к старшим, справедливости и трудолюбию. Мы едины в делах благотворительности и милосердия, в стремлении помочь обездоленным и страдающим. Мы едины в стремлении как можно скорее превозмочь тяжелое наследие атеистического режима, восстановить разрушенные им духовные ценности; и то, что повсюду в Средней Азии открываются мечети и медресе, создаются храмы и монастыри, - это наша общая радость. Как и в прошлом столетии, так и теперь нередки случаи пожертвований мусульман на создание православных святынь. Мне всегда радостно видеть мастеров-мусульман на строительстве православных храмов, а русских рабочих – на строительстве мечетей.

Дружба между нами - на всех уровнях: практически у каждого православного верующего есть друзья-мусульмане, теплые отношения существуют между представителями нашего духовенства, лично я при встрече с мусульманскими главами Среднеазиатских государств всегда ощущаю сердечность и радушие. Трогательно

уважение, с каким мусульманские верующие относятся к православным священнослужителям. Во время моих поездок по епархии я часто бываю не только в наших храмах, но и в мечетях. Там меня всегда обступают простые мусульмане, задают вопросы, и я часто беседую с ними. Наши священники рассказывали мне, что так же встречаются и их, даже в незнакомых городах. Что касается деловых контактов: при необходимости мы обращаемся к друзьям-мусульманам за помощью или за консультацией, не сомневаясь, что получим просимое. Не то, что о конфликтах, даже о каком-то недопонимании нет и речи.

При этом необходимо особо подчеркнуть, что Православие и Ислам представляют собой различные типы мировоззрения, полностью совместить которые невозможно. Поэтому всякие богословские дискуссии, споры о тонкостях вероучений христианства и мусульманства видятся бесполезными и могут принести даже вред. Нам нужно действовать в духе уважения к взглядам и культурам друг друга, а не заострять наши расхождения.

Разумеется, при оказании государственной поддержки предпочтение отдается Исламу: поскольку большинство народа состоит из мусульман – это естественно и законно. Но при этом и отношение властей к Православной Церкви повсюду - самое благожелательное; мы тоже получаем помощь и от правительств, и от администрации на местах. По Распоряжению Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова была выделена территория и оказана существенная поддержка при создании Православного Духовного центра в Ташкенте. Аналогичный указ был издан Президентом Кыргызстана Аскармом Акаевым, который, кроме этого, неоднократно жертвовал значительные суммы из своих личных средств на строительство храмов в различных городах своей Республики. Президент Туркменистана Сапармурат Ниязов лично выбрал и подарил Церкви земельный участок в одном из красивейших мест Ашгабада для строительства нового собора. В Кыргызстане, наряду с главными мусульманскими торжествами, общегосударственным праздником объявлено Рождество Христово: и мусульмане с радостью отмечают вместе с нами этот праздник, как день Рождения почитаемого ими Безгрешного Иисуса (Исы).

В том, что власти государств Средней Азии помогают православным, присутствует и элемент прагматизма. Президент Узбекистана И. Каримов отмечал “заслуги епархии Православной Церкви в деле укрепления межнационального мира, гражданского согласия и дружбы людей разных вероисповеданий”. В узбекистанских городах Сырдарье и Карши, где никогда прежде не было православных общин, - местные власти сами, без просьб с нашей стороны, подарили нам здания для переоборудования в храмы и сказали: создавайте приходы, воспитывайте наше славянское население. Здесь понимают, что человек, воспитанный в православных добродетелях - любви ко всем людям, трудолюбию, законопослушанию, смирению, нравственной чистоте - это образцовый гражданин государства. Традиционные религии - Ислам и Православие - рассматриваются в государствах Средней Азии, как духовные опоры общества.

В настоящее время религиозная ситуация в Центральной Азии относительно благополучна. Некоторую тревогу вызывает только активность сект иностранного происхождения. Это настоящее нашествие: только в одном Кыргызстане сейчас появилось более 120-ти сект. Заезжие миссионеры пытаются спекулировать на духовном вакууме, созданном богоборческим режимом СССР. Сектанты зачастую вербуют прозелитов отнюдь не религиозными методами, но - “покупая человеческие души за деньги”. Тоталитарные секты пользуются вполне откровенно гипнозом, кодированием, наркотиками и прочими дьявольскими средствами. **Деятельность сектантов ведет не к просвещению, а к духовной смуте, - и в мусульманской Центральной Азии является прямой провокацией межрелигиозной и межнациональной вражды.**

Практически в каждой сектантской брошюре или листовке содержатся нападки на Ислам и Православие. Православные, привычные к кощунствам воинствующих

безбожников, могут это перетерпеть. Но вот долго ли будут терпеть мусульмане презрительные и оскорбительные отзывы заезжих проповедников об их вере, об основоположнике Ислама Мухаммеде? Станут ли они спокойно смотреть на сектантскую вербовку прозелитов среди мусульманской молодежи, к чему Ислам всегда относился болезненно? Впрямь ли самозванные “учителя” не понимают, что делают, или слишком хорошо это понимают?

На протяжении тринадцати веков народы Средней Азии исповедуют Ислам, предки живущих здесь славян более тысячелетия тому назад приняли Православие. Чему же могут научить нас миссионеры, чьим сектам всего несколько десятилетий от роду? Чему могут научить нас незваные гости, не знающие традиций, обычаев, истории края, не желающие уважать наши религиозные убеждения? Однако они явились сюда, в страны древнейших цивилизаций Востока, и явились с такими амбициями, будто к каким-то дикарям.

Некоторые выходки сектантов просто безобразны: они зазывали людей “встречать Христа” на озере Иссык-Куль, пытались запугать общественность указанием “дат конца света” то в 1992, то в 1996 году... Секта “Свидетелей Иеговы” выдворена из Туркменистана за применение психотропных препаратов, был целый ряд скандалов при попытках “миссионеров” подкупить государственных чиновников...

Имеют ли подобные действия хоть какое-то отношение к христианству, к религии вообще? Наше счастье, что мусульмане здесь хорошо знают разницу между православными, с которыми их связывает давняя дружба, и пришлыми миссионерами.

На состоявшейся в 1995 году в Ташкенте международной христианско-мусульманской конференции “Совместно жить под одним небом” – главы мусульманского и православного духовенства Центральной Азии приняли совместное Обращение к живущим в регионе верующим обеих религий. В этом документе сказано:

“Мы имеем общую заинтересованность в том, чтобы укреплялся дух Ислама среди мусульманских народов и дух Православия среди славянского населения стран Центральной Азии, поскольку эти вероисповедные убеждения являются священным наследием наших предков. Мусульмане и православные видят свою общую задачу в созидании процветающих, высоконравственных, духовно просвещенных обществ в своих родных государствах Центральной Азии...”

Мы стоим за религиозную свободу, однако нас беспокоит, когда ею злоупотребляет все растущее число иностранных миссионерских организаций. Мы озабочены их действиями, несущими разделение, их невниманием к нашей культуре и традициям, их агрессивной религиозной пропагандой и тем, что они используют материальные нужды людей в целях прозелитизма...

Деятели Ислама и Православия, как добрые соседи и искренние сотрудники в укреплении наших государств, решительно настроены на борьбу со всяким искажением образа наших великих мировых религий. Мы будем стремиться к тому, чтобы наши верующие получили объективное, полное и почтительное к иной вере образование, которое открывает наши умы и сердца к уважению религиозных убеждений друг друга».

Полагаю, что такой подход полностью соответствует интересам как Православия, так и Ислама всюду, где они приходят в соприкосновение.

Глава VII.

Принципы православно-исламского диалога.

Прежде, чем говорить о возможности межрелигиозного взаимодействия, я должен подчеркнуть, что являюсь решительным противником так называемого гиперэкуменизма, то есть потуг измыслить на основе мировых религий некое единое «суперучение». Занятие это бессмысленное и с точки зрения любой религии – кощунственное.

Каждая мировая религия претендует на обладание полнотой Божественного Откровения, каждая имеет собственный вероучительный фундамент, который невозможно сдвинуть ни на миллиметр.

Вопрос о том, какой именно путь приводит к вечности Божией, разрешается только в этой вечности, за пределами земного существования, однако здесь на земле, во временном бытии сотрудничество между Православием и Исламом оказывается не просто возможным, но – насущно необходимым. И, как это ни парадоксально звучит, именно яркая несовместимость наших вероучений, практическая нереальность взаимных миссий является одной из главных предпосылок такого сотрудничества.

Перечень земных, нравственных добродетелей, к которым призываются верующие, в Православии и Исламе почти одинаков. Христианство часто называют религией любви, Ислам – религией справедливости. Сущностное различие наших мировоззрений – в определении того, какое из двух этих великих чувств должно главенствовать при служении человека Богу. **Но в земной жизни – справедливости не о чем спорить с любовью.**

«Если возможно, будьте в мире со всеми людьми», - заповедует Евангелие.

«Кто примирит и уладит, милость тому от Аллаха; ибо Аллах любит справедливых», - гласит Коран.

При этом: знать то общее, что существует в наших религиях, очень и очень полезно. Предрассудки с христианской стороны есть следствие элементарного невежества, предельно слабых знаний об Исламе. Для многих это может стать поразительным открытием: при ближайшем рассмотрении мусульмане оказываются несравненно лучшими христианами, чем бесчисленные псевдохристианские конфессии, которые, по выражению святителя Игнатия (Брянчанинова), «уже в Бога насилию веруют». Сектанты измыслили собственное учение, противоречащее духу Нового Завета. Они не поклоняются святым Божиим, не веруют в непорочное зачатие Христа от Пречистой Его Матери, называют «мифами» засвидетельствованные в Евангелии чудеса Господни, - то есть отвергают те истины христианства, в которые твердо верят и мусульмане.

Аллах мусульман – это Тот же Единый Бог, Создатель и Владыка мироздания, Которому поклоняются христиане. Так же, как и мы, мусульмане верят во Всемогущество и Всеведение, Милосердие и Правосудие Творца. Ислам знает о грядущем всеобщем воскресении мертвых и Страшном Суде, о загробной награде праведным и наказании злым. Коран восхваляет тех же патриархов и пророков древности, что и Библия: от Авраама (Ибрахима) и Моисея (Мусы) до святого Иоанна Предтечи (Йахьи) и апостолов Иисуса Христа («помощников Аллаха»).

Личность Иисуса Христа в мусульманстве окружена высоким почитанием. Целая глава Корана, сура «Марйям», посвящена Его непорочному зачатию от Духа Божия и чудесному рождению от Пречистой Девы Марии (Госпожи Марйям). **Мусульмане исповедуют Иисуса – Мессией, то есть Христом, и называют Его Словом Божиим** (о чем в Евангелии сказано: «Слово, бывшее у Бога от начала» /Ин.1,1/). **По мусульманскому учению Он – единственный «чистый и безгрешный» среди пророков: все остальные, включая Мухаммеда, нуждались в прощении от Аллаха.** Выдающийся мусульманский богослов Аль-Бадави говорит о чудесном рождении Иисуса так: «Это выдающееся событие ставит Ису (мир Ему!) выше всех людей и вестников, так как Он был рожден без содействия человека». Мусульмане знают, что Христос исцелял силою Божией прокаженных и слепорожденных, воскрешал мертвых. Список Его чудес в Коране даже больше, чем в Евангелии. Исламу известно о телесном вознесении Иисуса на Небеса: «Аллах вознес Его к Себе, ведь Аллах велик и мудр» (Сура 3 «Семейство Имрана», аят 156/158/). Мусульмане веруют, что Иисус вновь придет, чтобы победить духов злобы и царствовать над человечеством.

Предрассудки, основанные на непонимании, существуют и с другой стороны. Исследователи полагают, что Мухаммед не был знаком с Православием, а встретился

лишь с несторианами, монофизитами, а также с представителями мелких еретических сект. Именно против сектантских извращений направлены те места Корана, которые недобросовестные толкователи пытаются обратить против христианства в целом. В свое время Мухаммед столкнулся с «людьми из Найрана», взгляды которых представляли собой некую дикую мешанину из язычества и христианства. Привыкнув поклоняться женскому идолу Иштар, в качестве ее замены они объявили «богиней» и «женой Бога» Деву Марию, а «их сына» сделали третьим своим кумиром. Эта ересь отражена в сочинениях Ахмеда аль-Макризи и Ибн Хазма, сейчас нечто подобное высказывает секта «Богородичный центр». Но христиане никогда не считали Иисуса «сыном Бога» в грубом земном смысле, они никогда не поклонялись трем отдельным божествам. Подобные представления являются богохульством как с мусульманской, так и с христианской точки зрения.

Предметом недопонимания среди мусульман служит **догмат Троичности**. Но этот догмат **относится к внутренней жизни Единого Бога** – области, которой Ислам просто не занимается, считая такое знание абсолютно недоступным; христиане же веруют, что это Откровение им даровано.

Не обращаясь к высказываниям христианских богословов, можно процитировать слова одного из крупнейших исламских авторитетов – имама аль-Рази, который предпринял труд вдумчивого изучения христианства. Вот что он пишет: *«Христиане утверждают о Боге так: "Это Одно Существо, имеющее Три Личности (Ипостаси). И эти Три являются Единым Богом, подобно тому, как солнце имеет диск, лучи и тепло". Они понимают так, что "Отец" - Личность, "Сын" - Слово и "Святой Дух" - Жизнь. Ису, Сына Марьям, они называют "Сыном Бога" в смысле, подобном выражениям "сыновья пути" или "сыновья света". Они говорят: "Слово", являющееся Словом Божиим, соединилось с телом Мессии, Исы, как вода соединяется с вином, и огонь смешивается с огнем».*

Христианский догмат Троичности постигается не суждением, а верой: сам аль-Рази для себя его не принял. Но, во всяком случае, понимание христианства совершенно исключает приложение к нему понятия «кафр» - многобожие. Христианский мир может присоединиться к словам Ислама, направленным против еретиков из Найрана: «Не веровали те, которые говорили: "Ведь Аллах – третий из трех», - тогда, как нет никакого божества кроме Единого Бога» (Сура 5 «Трапеза», аят 77/73/). Учитель Церкви Афанасий Великий говорил: «Христианская вера не велит нам исповедовать, что каждая Ипостась (Личность) есть особый Бог или Господь. Так же точно наша вера запрещает говорить, что существует три Бога и три Господа. Мы поклоняемся Одному Богу, Имеющему Три Ипостаси». По слову Библии: «Господь Бог, Господь Един есть. Он – Господь, это – Его Имя, и не даст Славы Своей иному и хвалы Своей истуканам» (Втор.6,4; Ис.42,8).

Выяснение общих черт наших религий – это та граница, которую не следует переступать в православно-мусульманском диалоге. **С точки зрения христианства Ислам есть Ветхий Завет, остановленный на пороге Нового:** и это все. Антихристианских выпадов, подобных имевшимся в иудаистском Талмуде, - в Исламе, прославляющем Безгрешного Ису, нет и быть не может. Мусульмане, разумеется, считают свою религию более правильной, но признают, что христианский путь приводит к Всевышнему: и это тоже все.

Это во времена Халифатов мусульманские и христианские богословы к общему удовольствию могли устраивать всесторонние дискуссии. В наше сложнейшее время, когда межрелигиозная напряженность подогревается искусственно и искусно, такое для нас – непозволительная роскошь. Заострение наших расхождений, обсуждение взаимно заведомо неприемлемых догматов, полемика не может принести ничего, кроме вреда. Это не нужно ни мусульманам, ни нам. Так говорит Коран: «Аллах – наш Господь и ваш Господь: нам – наши деяния, вам – ваши деяния. Нет доводов между нами и вами: Аллах соберет нас, и к Нему – возвращение!» (Сура 42 «Совет», аят. 14/15/). И в Библии сказано:

«Кроткий язык – древо жизни, но необузданный – сокрушение духа» (Притч.15,4). Нам важно и действительно необходимо не рассуждать о тонкостях учений, а выявить основы для взаимопонимания и общих благих дел.

Предвижу, что закричат по этому поводу некоторые «ревнители»: но как же христианская проповедь?! Таковым ответу: надежды на широкий успех христианской миссии среди мусульман относятся к разряду беспочвенных мечтаний. А имя главного «мечтателя» мы знаем: это сатана. До сих пор протестантские миссии в исламских странах имели только один результат: вспышку мусульманского гнева, жертвой которого становились не только заезжие проповедники с горсткой прозелитов, но и местные христианские общины. Между православными и мусульманами никогда и нигде не возникало столкновений на религиозной почве именно потому, что Православие всегда соблюдало главное условие добрососедства с Исламом: невмешательство в его внутренние дела.

Нужно понимать, что представляет из себя мусульманский мир и как формируется мусульманское мировоззрение. В ряде арабских стран и мусульманство, и христианство имеют твердые исторические корни: там вмешательство извне просто неуместно. А в сознании тюркских и персидских народов Ислам представляет собой религиозно-национальный монолит. Узбек или таджик считает мусульманство основным элементом своей национальной принадлежности; перемена веры расценивается, как измена родному народу. Потуги сектантов разрушить эту твердыню какими-то брошюрами и листовками, мягко говоря, наивны, но и хуже того – взрывоопасны. Наивно также думать, что мусульмане не обращаются в христианство только потому, что ничего о нем не знают: оно хорошо им известно. Мусульмане считают священными книгами не только Коран и Сунну, но также Пятикнижие Моисеево («Таурах»), Псалтирь Давидову («Зарур») и Евангелие Иисуса Христа («Инжил»). Евангелие переведено на все основные восточные языки и широко распространено в мусульманском мире: так что сведущие мусульмане делают свой религиозный выбор вполне сознательно.

У Русской Православной Церкви более чем достаточно забот с собственной паствой, расцерковленной атеистическим режимом СССР. Что же касается западных проповедников, - если они и впрямь считают себя христианами, пусть обратят внимание на собственные страны, где миллионы людей поганят свои души всеми видами смертного греха, - и займутся миссией у себя дома. А в мусульманском мире нравственная атмосфера неизмеримо чище, чем на Западе, да и в нынешней России, отравляемой западной «масс-культурой».

Опять-таки: это утверждение может показаться парадоксом, - но **из всех мировых религий Православие и Ислам видятся наиболее близкими друг другу. Они** идут как бы по параллельным путям: **неподвижны в своих основаниях и не поддаются никаким «осовремениваниям», веруя в незыблемость Божественных установлений.** Их сближают и высокие нравственные требования, которые эти учения предъявляют к своим верующим.

Православие обращено не во внешний мир, но во глубины души человека. Проповедь Православия тиха и мирна: это есть исповедание любви к Богу и людям, свидетельствуемое чистотою христианской жизни. Здесь никому ничего не навязывается, нет крикливых зазываний и хитрых заманиваний. Православная Церковь кажется малоподвижной (поэтому всяческие «ревнители» обвиняют ее в «омертвлении»): но на деле Она следует завету апостольскому – «не судит внешних», а неустанно готовит собственную паству для вечной жизни. Такой путь к Богу не может не вызвать уважения у приверженцев Ислама. И мусульман нам очень есть за что уважать: под гнетом богоборческого режима они сумели сохранить свою веру, они твердо хранят свои нравственные устои, они умеют почитать своих духовных наставников, родителей, старших, у них крепкие многодетные семьи, - всему этому нынешние православные могут у них поучиться.

Наши отношения должны строиться на основе знаменитого аята Корана о «близости по любви» между нами. Русский востоковед Саблуков перевел этот стих так: «Нет у мусульманина лучших друзей, чем христиане», - православным ли, верующим в Божественную Любовь, отказываться от предлагаемой Исламом дружбы?

В многонациональной Российской Федерации, где мусульманство является второй по значимости религией, непонимание между Православием и Исламом может стать смертельно опасным, - а взаимопонимание – может принести прекрасные плоды. Мы должны объединить наши усилия и в делах милосердия, и в борьбе с равно неприемлемыми для нас явлениями – духовным растлением народа, пропагандой разврата и насилия, наконец, с искажением образа наших религий в действиях псевдохристианских сект и лжеисламских экстремистов. Опыт такой совместной борьбы уже имеется. Кто поддержал Православную Церковь в протестах против демонстрации на НТВ чудовищного по богохульству фильма Скорсезе «Последнее искушение Христа»? Ни одна из орудующих в России бесчисленных «конфессий и деноминаций» и словом по этому поводу не обмолвилась (так сектанты сами засвидетельствовали свое равнодушие к Христу Спасителю). Православных поддержали мусульмане, также возмущенные оскорблением Безгрешного Исы.

Наш общий враг – это и терроризм, одинаково противный и Православию, и настоящему Исламу. В заявлении Духовного управления российских мусульман по поводу бандитских терактов сказано:

«С душевным содроганием и болью восприняли мусульмане России террористические акты, унесшие сотни жизней мирных граждан, среди которых беззащитные дети, женщины, старики... Мусульмане, как все люди доброй воли, осуждают эти жестокие бесчеловечные акты убийства невинных людей. Подобные действия противоречат принципам всех мировых религий, в том числе и Ислама».

Нельзя поддаваться на провокации «мировой закулисы», пытающейся насадить вражду между Православием и Исламом. У нас в памяти трагический опыт Ливана, где полыхала межрелигиозная резня, пока обе стороны не поняли: их натравливает друг на друга и извлекает из этого выгоду «третья сторона». Тогда мусульмане и христиане объединились в борьбе за спасение своей общей Родины: и Ливан выстоял.

Мусульманство, мнимой «агрессивностью» которого запугивают общество некоторые журналисты, - на деле может стать одной из главных державных скреп Российского государства. Знаменитый исповедник Христов, архиепископ Димитрий (Абашидзе), впоследствии – схиархиепископ Антоний, в свое время возглавлявший Туркестанскую епархию, свидетельствовал: «Мусульмане всегда были верными подданными Российской державы». Мусульманское просвещение – это единственный ключ к решению столь болезненной для России чеченской проблемы. Отраднo, что Президент России В. В. Путин назначил своим полномочным представителем – главой администрации Чечни – муфтия Ахмед-Хаджи Кадырова. Однако необходимо, чтобы роль духовных наставников для Чечни и впредь осознавалась по-настоящему.

По историческим меркам Ислам в Чечне еще очень молод: никакого сравнения с древним мусульманством узбеков или туркмен. Чеченцы еще не успели изжить так называемую «ярость неофитов», при которой духовная жизнь подменяется внешней активностью. Ваххабитам здесь удалось фальсифицировать лозунг внешнего джихада, который объявляется лишь в исключительных случаях. Первой жертвой этого лжеджихада стали мусульмане Дагестана, второй – сами чеченцы. Для зрелого просвещенного Ислама первенствующее значение имеет не внешний, а внутренний джихад: «священная война», которую верующий ведет с грехом в собственной душе. Для суфизма – формы мусульманства, наиболее распространенной в Чечне – внутренний джихад особо значим. Просвещенные шейхи способны положить конец ваххабитским спекуляциям на вере, отвратить людей от фанатизма и вернуть им душевный настрой, необходимый на любом суфийском тарикате (пути). Благотворное влияние мусульманства

на чеченский народ было подорвано большевистским режимом: горькие плоды этого ныне вкушает Россия. Именно исламские наставники искореняли в Чечне дикий языческий обычай кровной мести. Только просвещенное мусульманское духовенство способно внушить верующим чеченцам ту истину, что религия, служение Всевышнему – неизмеримо выше родовых, тейповых установок. Только просвещенный Ислам в силах избавить Чечню от такой крошечной дикости, как терроризм, наркомафия, работоторговля. Тщетны надежды на то, что одним восстановлением экономики можно успокоить мятежный край. Экономика, безусловно, важна. Но разъяренного фанатика не остановишь, протягивая ему кусок хлеба, - его может вразумить лишь голос религиозного наставника. Если российские власти этого не осознают, но не сумеют сотрудничать с мусульманским духовенством Чечни, - республика еще долго будет оставаться кровоточащей язвой в теле России.

Что же касается ориентиров российской внешней политики: в отношении к уже не большевистской, а демократической России – Запад слишком наглядно продемонстрировал свое двуличие. «Обличительные» вопли по поводу борьбы с экстремизмом, изгнание российской делегации из ПАСЕ, раскрытые объятия для бандитских эмиссаров: так западные «демократы» поддерживают орудующих в Чечне палачей, террористов, наркодельцов, работоторговцев. Цель этой вакханалии очевидна: Западу желательна не сильная и процветающая, а измученная внутренними неурядицами Россия. И нужно быть до слепоты наивным человеком, чтобы продолжать верить в искренность «дружеских чувств», о которых говорят «западные партнеры». Конечно, нужно стараться «быть в мире со всеми людьми», да и запад отнюдь не однороден, но вспоминается горькая фраза императора Александра III Миротворца: «У России друзей нет», и его же горькая шутка: «У России все-таки есть два друга – это ее армия и ее флот». Однако многими веками раньше, во времена Святой Руси прозвучали и иные слова – это завет благоверного великого князя Александра Невского: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке». Это не столь мрачно, как изречение предпоследнего российского монарха. Россия действительно при желании может обрести искренних друзей в исламском мире, - прежде всего, конечно, в мусульманских странах Содружества.